Рассказы из блога автора в “ЖЖ“, 2008-2010

Александр Александрович Чубарьян

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказы, которые с 2008 по 2010 г., Александр Чубарьян (также известный как Саша Чубарьян и как Sanych) выкладывал в сети, на своём блоге: sanych74.

- Александр Чубарьян
  - Дети — наше будущее
  - Однажды в Лондоне
  - Муха
  - Щенок-2
  - Самый последний
  - Советы рыболовам
  - Загадко
  - Биограф
  - Ромкин рассказ
  - Лампочка и сигарета
  - лампочка
  - Время кино
  - Хроники одного рейда
  - Фоб
  - Наболевшее
  - Дьявольская подляна
  - Теория порядка
  - странный рассказ
  - про рассказ
  - Точка
  - Чей-то дневник
  - Эликсир бессмертия
  - Ростовский кольщик
  - Бачан и очко
  - Спасибо, гражданин начальник
  - Аналитики
  - рассада
  - Мебельщик
  - Не нытье
  - Ставок больше нет

Александр Чубарьян
Рассказы

Дети — наше будущее

Музыка:
Прощание славянки

Накрапывает мелкий дождик. Возле ларька-прилавка, торгующего разными газетожурналами, стоит девочка лет 8–9. Не обращая внимания на дождь, она что-то тщательно выискивает среди печатной продукции, заботливо прикрытой полиэтиленом. Ищет долго, за это время продавщица успевает обслужить двух или трех человек. Не найдя того, что искала, девочка поднимает взгляд на продавщицу и спрашивает прокуренным голосом:

— Слышь, а последний номер "Glamour"-а есть?

Однажды в Лондоне

— Как тебя зовут?
- № 44, Новая Сербия 864 962, — спокойно сказал юноша.

(Марк Твен, "№ 44, Таинственный незнакомец")

Я сидел в одном из недорогих и уютных ресторанчиков Лондона, лениво ковыряя котлету и пытаясь найти в ней хоть что-то, напоминающее мясо. У меня ничего не получалось — то ли из-за того, что зрение за последние пятьсот лет стало подводить, то ли потому что котлета была картофельная.

Неожиданно за мой столик сел человек, чье мужественное лицо показалось мне знакомым. Я отодвинул тарелку с котлетой в сторону и вопросительно глянул на него.

— Николай. — произнес он на чистейшем русском.

— Очень приятно. — пробормотал я на этом же языке, поднимая в памяти все пласты истории за последние две с половиной тысячи лет.

Мужественное лицо приобрело растерянный вид, но всего лишь на три с половиной милисекунды.

— Нет, вы Николай, верно? А я Роман.

— Вообще-то, Никола. — поправил его я.

— Простите… — пробормотал Роман. — Русские корни, знаете ли…

К этому времени мои нейроны, ответственные за память, наконец-то отыскали биографию незнакомца, автоматически сделав его знакомым.

— А вы Роман Аркадьевич. — продолжил я. — И вы пришли узнать ответ всего лишь на один вопрос.

— А откуда вы знаете? — удивился Роман, но тут же хлопнул себя по лбу. — Ну конечно! Ведь для вас эта встреча уже состоялась!

Я ограничился легким кивком.

— И, наверное, вы даже знаете, чем она закончилась. А для меня все только начинается.

Бесшумно появившийся официант поставил на стол стакан минеральной воды и так же бесшумно удалился. Роман несколькими жадными глотками выпил полстакана.

— Вы даже не представляете, каких трудов мне стоило

выяснить, что вы будете здесь в это вре… — он осекся. — Впрочем, вы как раз это представляете.

Он замолчал и так получилось, что возникла неловкая пауза.

— Послушайте, Никола… — Роман откашлялся, он волновался и даже не пытался скрыть этого. — Я понимаю, что это прозвучит глупо, но все же… С самого детства меня мучает и не дает покоя всего один вопрос.

Он запнулся, видимо, подбирая слова. Я же разглядывал узор на манжете его пиджака и думал о том, что геном человеческого существа одно из самых забавных явлений, встречавшихся мне. И узор этот был лишним тому подтверждением.

— Вы ведь знаете этот вопрос, верно? Никола… господин Тесла… я не знаю, как правильно вас… моя служба безопасности говорила что-то про Сорок четвертого и Новую…

— Можете называть меня Николой. — разрешил я. Мое внимание в этот момент привлек мизинец Романа на левой руке, находившийся на удивление в полной гармонии со Вселенной, так что на сантименты я решил не обращать внимания.

Никогда не перестану удивляться тем мелким деталям, что существуют вокруг нас. Порой мы их не замечаем, но ведь от этого их не становится меньше. Хотя, с другой стороны, больше их тоже не становится.

— Никола… вы ответите?

Мизинец пошевелился, нарушив то немногое и прекрасное, что никогда не перестанет радовать меня. И я…

Я задумался. Я думал не над тем, стоит ли отвечать ему или нет. Нет, суть была совершенно в другом, и если бы я мог ЭТО объяснить с помощью символов, называемых буквами, я бы обязательно написал здесь. Но к сожалению, даже Microsoft Word бессилен передать то, над чем я размышлял в тот момент.

— Я… я отдал все, что у меня есть. — признался Роман. — Вы же знаете об этом, да? И я был там, был в Колорадо Спрингс, на Pinnks Peak. Я понял, почему вы ушли оттуда…

Это звучало забавно, потому что до сих пор я и сам не знаю, почему я покинул это место. То есть, я конечно же знал, но не всё, не везде и не когда.

Мне пора было уходить и он это понял.

— Молю вас! — воскликнул он, заламывая руки в отчаянии. — Ответьте, Никола!

— Перпендикуляр. — сказал я, уже почти полностью окутанный зеленоватым туманом.

И сквозь этот туман я увидел, как лицо моего собеседника осветилось неподдельным счастьем. Настоящим, искренним счастьем. Таким, ради которого и живут все они, все вы и все мы.

Его лицо уже не было мужественным. Оно было в полной гармонии, и я улыбнулся ему.

А потом ушел.

Муха

Он уже и не помнил, когда эта назойливая тварь появилась в его жизни. Наверное, это было давно, очень давно. С того времени он много раз пытался выгнать ее из квартиры, вешал липучку над кроватью, ставил рядом купленую на рынке мухобойку, разбрызгивал по комнате всевозможные новомодные препараты — бесполезно. Ничего не помогало.

В какой-то мере он даже привык к ней.

Каждое утро (кроме выходных) ровно в семь утра муха садилась на какой-нибудь обнаженный участок его тела и начинала бродить по нему, вызывая слабое раздражение. Он еще спал, а раздражение медленно, но верно выталкивало его из сна. Он хлопал по тому месту рукой, а муха взлетала, чтобы через несколько секунд снова приземлиться там же или на какой-нибудь новой локации.

Через несколько таких повторов сон обрывался полностью, а муха со своими приземлениями превращалась в жесточайший нервоз. Он готов был не просто убить ее, он готов был разорвать ее на куски, раздавить, сжечь — но поймать ее было невозможно.

Это продолжалось ровно десять минут — до того момента, как на тумбочке рядом с кроватью не звенел будильник, поставленный на десять минут восьмого. Тогда он вставал с кровати, уже полностью проснувшийся и сильно раздраженный, а муха… а муха неожиданным образом куда-то исчезала в тот момент, когда его ноги касались пола.

Если же он не вставал — нервоз перерастал в ад.

Когда-то давно, до появления мухи, у него точно так же в это время звенел будильник и частенько он, протягивая руку, вырубал трезвонящую мерзость и закрывал глаза, чтобы «просто полежать еще несколько минуток…». Несколько минуток легко могли превратиться в час и более — и как следствие, опоздание на работу и выговор от начальства.

Потом появилась муха, опозданий не стало… начался нервоз.

Поражала ее точность — она начинала действовать ровно в семь часов и ни минутой раньше или позже. Поражала ее живучесть — ее невозможно было изловить или убить. Поражала ее целеустремленность — она не успокаивалась, пока он не вставал с постели.

Каждый день.

Кроме ввыходных.

Он работал кладовщиком на оптовом складе. Две восьмидесятикубовые камеры, температура минус двадцать,

ватник даже летом, тонны куриных окорочков и одни и те же лица постоянных покупателей в течении пяти или шести лет.

Все эти годы слились в одно большое жирное и черное пятно в его биографии. Каждый день одно и то же. А теперь еще и муха.

Уйти он хотел давно — только не знал, куда идти. Надо было искать новую работу, пытаться что-то делать… но не уходил, все никак не мог решиться.

И снова день начинался с назойливой мухи, которой он уже про себя дал прозвище «Жужжащая сука». Потом будильник, потом ватник, холодильник и стопки накладных… День заканчивался, он возвращался домой, уставший вырубался спать, чтобы на следующее утро проснуться от ползающей по нему мухи.

Муха, будильник, холодильник, ватник, накладные, окорочка.

Муха, будильник, холодильник, ватник, накладные, окорочка.

Муха, будильник, холодильник, ватник, накладные, окорочка.

Все решилось за несколько минут. Сидя за столиком перед холодильной камерой и тупо рассматривая узор из трещин на потолке, он вдруг понял, что само по себе ничего не изменится и если сейчас он ничего не сделает, в течении оставшихся лет он так и будет рассматривать эти трещины, пока не сойдет с ума или не состарится.

Через восемь минут он объявил шефу, что уходит. И положил ему на стол заявление с одним предложением «Прошу уволить по собственному желанию».

Начальник удивился. Поинтересовался причиной столь спешного ухода, ничего не понял из объяснений, но пожелал удачи и пообещал к завтрашнему дню уладить все формальности с документами. Кажется, шеф не ожидал от него такого.

Вечером шеф позвонил ему, чтобы узнать, не передумал ли он.

Нет, не передумал, ответил он и наотрез отказался продолжать работу даже при условии повышения зарплаты.

За ужином он выпил сто пятьдесят грамм водки, чего раньше в будний день не мог себе позволить.

И лег спать.

Утром он проснулся без одной минуты семь. Сам.

Подумал, мол, зачем, если сегодня можно выспаться, потом закрыл глаза…

И услышал знакомое жужжание.

Муха приземлилась на его колено. Он открыл глаза и смотрел на нее, думая, что она-то не может знать, что сегодня у него выходной, что завтра тоже будет выходной и он не станет вставать в такую рань из-за какого-то насекомого.

Между тем муха расправила крылья, из спины у нее вылезла

крохотная антенна, а голова внезапно замигала красным цветом.

Всего одну секунду он растеряно смотрел на нее, не веря своим глазам.

Потом была вспышка — последнее, что он увидел в своей жизни.

Взрыв разворотил всю его квартиру и сделал трещины в стенах, разделявших его квартиру с соседскими.

Бригада специалистов, прибывшая на место, соскребала со стены его останки и недоумевала — они не могли установить причину взрыва и в конце концов составили отчет, в котором фигурировали «курение в постели» и «утечка газа».

На склад, торгующий окорочками, через несколько дней пришел новый кладовщик. Он проработал всего месяц, после чего первый раз опоздал на работу. Причина банальна — вчера усугубил, сегодня проспал.

На следующий день в его жизни появилась очень назойливая и крайне живучая муха.

Щенок-2

Я свою собаку сам тренирую, кинологам не отдаю. Во-первых, денег жалко, а во-вторых… ну что я, общего языка со своей собакой не найду? А кинологи вон, за курс обучения двести долларов просят, сволочи. Неее… только сам. "Рядом!", "Сидеть!", "Лежать" — когда команду правильно выполняет, я ему колбаски кусочек, или косточку. Рекс у меня до колбасы дюже охоч. Любит колбасу, подлец. Я ему каждое утро когда овсянку или перловку варю, обязательно колбасы туда подбрасываю.

Овчарка у меня, немецкая. Ну как овчарка? Овчаренок еще, щенок. Сколько ему… года полтора примерно. Молодой, глупый. Понимает вроде как всё, что говорю, а вот слушается не всегда. Через это и страдает иногда — то носом в улей, как говорится, то жопой в муравейник. Последнее время я его в лес не вожу, дома тренирую. То есть, во дворе.

Дом-то у меня частный, только двор на трех хозяев. К соседям Рекс привык, с Семеновых дочкой играется даже, а Зильберштейнов немного побаивается и, когда я не вижу, ссыт им под крыльцо. Я-то на самом деле вижу все, только молчу, потому как тоже Зильберштейнов, знаете ли, не очень уважаю.

Ну так вот. Сидим мы как-то с Рексом во дворе, я на корточках, а он на своей собачьей заднице. Команды отрабатываем.

— Лапу. — говорю я и протягиваю правую руку, а Рекс пытается мне за спину заглянуть, где в левой руке любительской двести грамм в кулечке порезаны. — Лапу!

Рекс нехотя лапу поднимает, а сам носом шмыг-шмыг.

— Другую! — говорю я и Рекс задумывается, мол одну уже дал, как теперь вторую давать, ведь так и опору потерять можно.

Тут-то калитка и хлопнула.

Я только обернуться успел и увидеть, как во двор Бердиков зашел, Иван Борисыч. Он на соседней улице живет, ихняя семья с Зильберштейнами дружит, вот он и пришел в гости, да не один, а с супругой.

Рекс меня чуть не сбил, когда к калитке бросился с лаем.

— Стоять! — кричу. — Рекс, ко мне! Ко мне! Рядом!

Да какой там рядом… Вижу, Иван Борисыч к крыльцу обоссаному прижался, а супруга его, дама в возрасте и в весе, рядом на скамейку Зильберштейнов забралась и сумочкой отмахивается. А Рекс рычит, лает, вот-вот цапанет кого-нибудь из них. Даром, что молодой, а зубы-то имеются.

Бегу туда. Кричу:

— Фу! Рекс, ко мне! Ко мне!

Супруга Бердикова визжит, сам Иван Борисыч то краснеет, то белеет — эмоциями фонтанирует. Добежал, за ошейник Рекса схватил, еле оттянул.

— Извините, — говорю, — Иван Борисович. Не уследил.

Иван Борисыч от крыльца отлип, супруге своей помог со скамейки спуститься и говорит мне так наставительно:

— Нехорошо на мирных людей собак травить. И вообще, с собакой вон, в лесу лучше гулять.

Ну и по крыльцу к Зильберштейнам, на звонок жмет побыстрее. Рекса я за ошейник-то держу, а он все порыкивает, показывает, что мол стоит тут на страже двора не хуже, чем ФСО у Белого Дома.

Я его на поводок и в лес повел. Иду значит, весь себе такой хмурый, а Рекс рядом плетется. Остановились на какой-то полянке, я поводок отстегнул, а Рекс бегать не стал, почуял, что разговор у нас сейчас серьезный будет.

Я значит посмотрел в его глаза собачьи и говорю:

— Ты что ж делаешь? Ты знаешь, кто такой Иван Борисыч?

Хотя откуда ему знать? Молчит Рекс.

— Я тебе объясню. — продолжаю я. — Ты еще не забыл про те сто пятьдесят килограмм крахмала, что я у тебя на реализацию взял?

— Конечно не забыл! — говорит Рекс. — Там на четыре с лишним тыщи товара…

— Заткнись! — обрываю его. — Этот крахмал я Иван Борисычу на склад отдал. Просил его долго, чтобы взял. Так вот если он его вернет обратно, я его тебе верну и будешь ты по утрам вместо овсянки с колбасой свой долбаный крахмал жрать, понял, козел?!

И пошел, не дожидаясь ответа. А Рекс следом поперся. Молча, лишь вздыхая виновато по-своему, по-собачьи.

Ну что с него взять, молодой еще, глупый.

Но кинологам я его все равно не отдам. Сам воспитаю.

Самый последний

Я вернулся. Рукой прикасаюсь к стене.
Я здесь жил. Этот Город тогда был во мне.
Но теперь все не так, я как будто чужой.
Бедный, босый, по-детски наивно смешной.

Я вернулся, смотрю в лица давних друзей.
То ли старый я стал, то ли лица тускней.
В их глазах пустота. Не горит больше свет
Безрассудности драк и азарта побед.

Я вернулся. Зачем? Чтоб увидеть войну?
Как бойцы погибают за правду свою?
Безвозвратно уходят один за другим…
И что самое страшное — без причин.

Я вернулся. Я понял, что жизнь — это тлен.
Паутина невидимой трещины стен.
И чем дальше, тем больше таких паутин.
Город гибнет без нас, он не сможет один.

Я вернулся, чтоб это все остановить.
Только сил мне не хватит за это платить.
Может, надо уйти, может, надо забыть…
Но не рвется пока еще тонкая нить.

Я вернулся сказать, что я жив, что я здесь.
Отзовитесь хоть кто-нибудь!.. если вы есть.
И не хочется верить, что здесь только грязь.
Кто-то предал меня. Кто-то предал всех нас.

Советы рыболовам

На самом деле ловить рыбу очень просто. Для этого нужны две вещи — упырь и хаврило. Берешь упыря пожирнее, цепляешь его на хаврило и в речку. Рыба как упыря учует, сразу сожрать его норовит. Тут уж подсекаешь, рыбину вытаскиваешь — и вуаля, ты рыбак при улове.

Но есть мелкие хитрости, о которых не все рыбаки знают. О них-то и пойдет речь ниже.

Есть такое понятие у рыбаков, как аншлаг. Это когда рыба клюет так, что упыри все позаканчивались, чисто хаврило в речку бросаешь, а рыба хавает. По понятиям аншлаг за рыбалку не катит, зато деньжат срубить можно.

Все любят на рыбалке водки бухнуть, но не все знают, что на рыбалке можно к водке уху сделать. Вкусна под водку уха, а главное, навариста. Уху делать просто — для нее нужен упырь и хаврило. Берешь упыря, цепляешь на хаврило, выловил рыбу и потом уже из нее уху варишь. Из рыбы уха вкусная получается, не то что из говядины или, скажем, курицы. А еще можно сварить борщ. Рыбу тогда надо не на упыря, а на капусту ловить. А перед тем, как готовить, надо буряком или помидорами накормить, чтобы борщ красного цвета получился.

Рыбу можно не только на хаврило ловить, но еще на гранату, или руками. Но это тупо, хотя эффективность между гранатой и рукой несравнима. Я вот позавчера на картошку ловил, хотел пюре рыбное сделать. Но нихрена не поймал. То ли хаврило ржавое было, то ли рыбы в Москве-реке издохли давно.

Кстати, приметы есть забавные. Мол, если в Падлючий день рыбу изловить и жабры евойные в Центробанке спалить, то финансовый кризис наступит. Но тут дело такое, что никто не знает, когда Падлючий день наступает. Иначе давно все бы в полной жопе были. Еще есть примета такая, ежели рыбу сутки на сковородке на полном огне жарить, то угли получатся. Вчера проверил, в натуре, работает примета.

Последнее время по телевизору все в один голос говорят, что если с рыбой год разговаривать, то она с ума сойдет. Не знаю, не знаю, у меня в аквариуме меченосец плавает, так я с ним третий год беседы веду и ничего, нормальный он. Может, я чего в телевизоре не так понял. (кстати, насчет меченосцев — фильм

говно)

Бывают рыбы, ну просто полные неадекваты. Руку сунешь в реку, а там вместо рака тварь какая-нибудь — Хрясь! Ни пословицы тебе, ни пальца. Как их еще вода носит. Чтобы на эту подляну не попасться, лучше к речке близко не подходить. Но тогда ты уже не рыбак, а лох, так что надо как-то выбирать и определяться по жизни.

Мы как-то с соседом, Левой Зильберштейном, пошли рыбу ловить на супругу Иван Борисыча, знакомца нашего общего. Ну и что бы вы думали? Не клюет рыба! Вообще! А все почему — да потому что супруга Иван Борисыча рыбам без интересу. Рыба, она ж не дура, ей упыря подавай.

А то еще случай был, притырил я как-то в магазине чекушку. Спрятал в рукав — и ходу. А на выходе столкнулся с девушкой, красивой такой, белокурой, с голубыми глазами, и вся такая стройная, а сама не идет, а будто плывет над землей по возд… короче, поймали меня охранники, чекушку отобрали, да еще и люлей вломили. Это я к чему — ты или воруй, или люби, только вот грехи свои на рыбалку валить не надо, не поможет. Сто пудов, проверено.

Загадко

Под катом рассказ. Вопрос — причём тут БИ-2?

Вечером всегда больно. Суставы выкручивает так, что хочется лезть на стенку. Слезы выступают в глазах, а зубы впиваются в мягкую нежную плоть губ, прокусывая их до крови. И вкус крови — собственной крови — как не странно, успокаивает боль. Тушит ее — хоть и не намного, но все же легче становится. Это длится недолго — едва солнце скрывается за горизонтом, оставляя за собой размазанный след багрового заката, боль отступает. Какое-то время отдается на передышку, на расслабление — Оллан называет это «благостным периодом» — а потом начинается трансформация. Вот она как раз протекает безболезненно и даже немного забавно — вместе с телом меняется и сам мир, который тебя окружает. Предметы становятся расплывчатыми, затем они начинают изменять свою форму и свои размеры, пока в конце концов не приобретут нужные очертания. И когда трансформация будет закончена, желательно еще несколько минут походить, осматривая знакомые предметы и привыкая к ним. Что-то понюхать, обо что-то потереть свой бок, и только потом можно выбегать на волю.

Оллан не считал себя порождением дьявола, каким-то демоническим созданием или убийцей. За всю жизнь он ни разу никого не убил — ни в обличье волка, ни в обличье человека. Соседи знали о том, что Оллан вервольф, но относились к этому с пониманием и даже с сожалением. Не повезло ему, считали они — ведь он не сможет повеселиться на осенних праздниках Урожая, которые длятся много дней и, как правило, все веселье приходится на ночи. Не сможет создать семью — а кто ж захочет связать свою жизнь с оборотнем, пускай и добрым. Совсем не догадываясь о том, что Оллану это было не нужно, жители поселка старались как-то утешить вервольфа веселыми байками, гостинцами и своим гостеприимством. Иногда они даже разрешали детям поиграться ночью с большим серым волком, который, правда, неохотно таскал ребят на своей спине и с еще большей неохотой терпел, когда они играли в охоту и бросали в него тоненькие тростинки — воображаемые копья. Гораздо больше оборотню нравилось покинуть деревню и убежать в лес. Мчаться с огромной скоростью, перепрыгивая через бревна и пни, или ползти по траве, вдыхая ее ночной запах и воображая, что сейчас его никто не видит и не слышит… у него совсем не было

охотничьих инстинктов и вся живность в округе слышала его задолго до того, как он сам замечал ее. Впрочем, Оллану было все равно — он не собирался охотиться и кого-то убивать, он просто наслаждался свободой и был уверен, что никто не в силах у него ее отнять.

Летним солнечным днем Оллан сидел в гостях у старосты деревни, старого Узура и пил холодный квас, настоянный на семи травах. Никто не мог делать такой квас, рецепт его Узур тщательно оберегал от односельчан, и причиной этому было, скорее, желание того, чтобы именно к нему, к Узуру приходили люди, чтобы выпить прохладного и вкусного напитка. Это было слабостью старика — он обожал смотреть на то, как гость пьет напиток, а потом щурится от удовольствия и нахваливает его. Вот и сейчас Узур внимательно наблюдал за Олланом и ждал его реакции, которая повторялась вот уже многие годы. Как и раньше, оборотень поставил пустую чашку на стол, вытер тыльной стороной ладони губы и, улыбнувшись, сказал:

— Квас у тебя, Узур, самый вкусный во всей деревне.

— И всегда самый свежий, никогда долго не стоит. — горделиво ответил староста, довольно щурясь от похвалы. — Потому что все приходят ко мне его попить, все говорят, а ну-ка, Узур, угости нас квасом своим знаменитым…

Узур взял чашку Оллана и щедро зачерпнул из бочки повторную порцию, но почему-то не поставил чашку на стол, а, держа ее в руках, на мгновение задумался.

— Хочу спросить тебя, Оллан… — староста замялся. — Ты ведь знаешь, на каких травах я его делаю, да?

Оллан посмотрел в сторону, еле заметно улыбнулся и коротко ответил:

— Да. Знаю.

— Я… — Узур почесал затылок… — Я сразу это понял. Ты принюхивался раньше… а потом перестал… Оллан, я хочу попросить тебя…

— Ты хочешь попросить меня сохранить это втайне? — Оллан снова улыбнулся. — Узур, я обещаю тебе, что от меня никто не узнает, какие травы входят в твою настойку. Если ты сам этого не захочешь.

— Вряд ли я захочу. — старик хихикнул и поставил на стол кружку с квасом.

Неожиданно послышался громкий стук в дверь и Узур удивленно посмотрел на Оллана — в их поселке не принято было стучать, когда приходишь к кому-то в дом. Так могли делать только чужаки, а их уже давно не было в деревне. Вервольф

пожал плечами — он тоже не знал, кто пожаловал. Узур поморщился и вздохнул — кто бы то ни был, все равно придется принять его.

Едва староста встал со своего места, дверь неожиданно отворилась и в проеме показалась высокая фигура человека. Это был старик, едва ли не старше Узура, но, в отличие от старосты деревни, находившийся в более чем прекрасной форме. Держался он ровно и уверенно, глаза цепко осматривали помещение и находящихся в нем людей, а посох, который он держал в руке, выглядел не как помогающее ходьбе средство, а скорее как грозное оружие.

Без всяких приветствий, в нарушение всех обычаев, странный гость прошел внутрь комнаты и уселся на лавку. После этого он посмотрел на Узура и спросил:

— Есть в этом доме еще люди?

— Сначала скажи, кто ты, откуда, и что тебе надобно. — нахмурился Узур. — У нас принято знать, с кем беседу ведешь и кого у себя дома принимаешь.

— А мне не нужен прием. — с холодным равнодушием ответил старик. — Мне нужны только ответы на мои вопросы и ты будешь отвечать. Именем Двенадцати.

Говоря это, старик неторопливо расстегнул серебряную пряжку дорожного плаща и скинул одеяние. Узур при последних словах вздрогнул и сейчас со страхом в глазах смотрел на медальон, висевший у старика на груди — на тонком золотом кругу был изображен розовый полыхающий огонь.

Оллану был незнаком этот знак, однако и ему передался безотчетный ужас старосты, который не мог оторвать взгляда от таинственного знака. Гость же, подождав несколько мгновений, вновь накинул на себя плащ, спрятав под ним медальон.

— Ради всех святых… — Узур был насмерть перепуган. — Скажи, зачем…

— Я, кажется, задал тебе вопрос. — жестко напомнил ему старик.

— Ты… вы… — Узур судорожно сглотнул слюну. — Нет, в доме никого нет, господин.

— Хорошо. — старик повернулся к Оллану. — Пошел вон.

Оборотень в растерянности посмотрел на Узура и тот закивал головой, словно поторапливая его подчиниться приказу странного гостя. Оллан не стал спорить и задавать вопросы — позже Узур наверняка расскажет, кто такие Двенадцать и что это за медальон. Хотя… внутри у верволка что-то ворочалось, вызывая сильное и совсем непонятное беспокойство. Словно беды предчувствие. Последний раз кинув на гостя взгляд, Оллан вышел

из дома старосты и сразу же остановился, как вкопаный.

Легкий ветерок обдувал траву, ветки деревьев и гривы нескольких лошадей, стоящих перед домом старосты. Одна лошадь была без наездника, на остальных сидели всадники, одетые в одинаковые темные одежды. Головы у них были обмотаны такими же темными полосами материи и лиц не было видно, только глаза, которые настороженно следили за вышедшим из дома Олланом. На груди у каждого был вышит тот самый знак, который оборотень наблюдал в виде медальона у старика.

Одна из лошадей внезапно всхрапнула, а вслед за ней стали нервничать и остальные. Всадник на первой лошади что-то гортанно крикнул и хлопнул свою лошадь по крупу, после чего все животные вдруг успокоились, а Оллан почувствовал на себе еще более пристальные взгляды.

Держась как можно более спокойно, Оллан молча прошел мимо всадников и направился к своему дому. Предчувствие беды усилилось еще больше и теперь к нему добавился страх. Животный, инстинктивный страх не человека, а загнанного волка.

Не прошло и двух часов, как в дом к Оллану забежал Ирик, соседский мальчишка, присланый старостой. Из сбивчивого рассказ возбужденного Ирика Оллан понял, что гости остановились в доме у старосты, зачем они прибыли, никто не знает, но староста просил передать, чтобы Оллан осторожно прокрался в его сарай и ждал его там, причем как можно быстрее.

И Оллан пошел. Не хотелось ему идти, что-то подсказывало, что лучше держаться подальше от старика и его спутников, и все же он пошел. Огородами обошел дом Узура и забрался в старую, уже покосившуюся постройку, забитую всяким бесполезным хламом. Уселся на пустую деревянную бочку и приготовился ждать, но ждать не пришлось.

Еле слышно скрипнув дверью, в сарай вошел Узур и уселся на ящик. В сторону смотрел староста деревни, словно стыдно ему за что-то было. Оллан терпеливо ждал, пока он что-то скажет.

Горько вздохнув, староста наконец-то нарушил тишину:

— Легче всего закрыть глаза и сделать вид, что ничего не видишь. Всё пройдет мимо, потом забудется… любая рана рубцуется… и деревне ничего не будет угрожать — я просто выполню свой долг.

— А что ей угрожает? — спросил Оллан. — Этот старик, который приказывал именем Двенадцати…

— Забудь! — резко оборвал его Узур. — Забудь и никогда не упоминай их имена всуе. Тебе надо уходить, Оллан. Помолчи! Не перебивай меня! Я беспокоюсь не только о твоей жизни. Тебе надо

уйти. Навсегда. Рано или поздно тебя найдут, если о тебе знают, то тебя все равно найдут. Просто я хочу быть уверен, что это произойдет не в деревне. Алое Пламя само по себе не самое страшное…

— Алое Пламя? — Оллан вздрогнул и медленно встал с бочки. — Что ты хочешь сказать, Узур?

— Пламя Очищения. Тебя сожгут, Оллан. Я знаю, как это делается… я видел уже такое. Но поверь, для тебя… и не только для тебя… не это будет самое страшное. Эмиссары Двенадцати умеют калечить не только тела, но и души.

— Разве я в чем-то виноват? — спросил Оллан, уже зная ответ на свой вопрос.

— Иди, Оллан! — почти умоляюще крикнул Узур. — Уходи! Не надейся на чудо, уходи!

Короткий смешок со стороны входа заставил их вздрогнуть и повернуться в сторону звука. На пороге стоял старик — без плаща, с посохом в руках и медальоном, который в полумраке сарая мерцал пламенем.

Алым Пламенем Очищения.

— Закат еще нескоро, мой мальчик. — произнес старик, шагнув вперед. — И на чудо тебе действительно не стоит надеятся. Узур, выйди, я хочу с ним поговорить.

— А он… — Узур внезапно сгорбился под грозным взглядом старика и, словно побитая собака, вышел из сарая, оставляя оборотня и эмиссара Двенадцати наедине.

В полной тишине они простояли несколько минут, пока старик не сказал:

— Если ты хочешь что-то узнать, спрашивай сейчас. Позже я не смогу тебе ответить… и никто тебе не сможет ответить.

Растеряный, напуганый и ничего не понимающий Оллан посмотрел на старика и сразу же отвел взгляд в сторону.

И старик, заметив это, хрипло и надсадно засмеялся.

— Ты необычный оборотень. — сказал он. — Тебе не повезло, что ты такой. Тяжело тебе будет, очень тяжело.

— В чем я виноват? — хрипло спросил Оллан, облизывая пересохшие губы. — За что вы хотите убить меня?

— Человек так устроен, что все непонятное для него воспринимает как угрозу. — сказал старик и опустился на то место, где только что сидел Узур. — И ты представляешь ту самую угрозу. Поверь, я не испытываю к тебе ненависти… впрочем, любви я тоже к тебе не ощущаю. Если бы ты был обычным вервольфом, у тебя, наверное, был бы маленький шанс… но ты не такой, как все.

— У меня был бы шанс выжить? — Оллан протер рукой

вспотевший лоб и почувствовал, как дрожат пальцы.

— Дело в том… — старик криво улыбнулся. — Жизнь не самое главное. Это сейчас тебе кажется так, но столкнувшись со смертью, ты поймешь, что есть вещи и пострашнее этого. Ты увидишь это, я тебе обещаю. И тогда ты пожалеешь, что в тебе нет духа настоящего вервольфа…

Еле слышный свист раздался в тот самый момент, когда старик договаривал последние слова — он сопровождался плавным движением посоха- и Оллан почувствовал, что не может сдвинуться с места, словно скованный тысячей незримых цепей.

Старик поднялся и посмотрел на неподвижного вервольфа.

— А еще ты будешь жалеть о том, что этого духа не было у тебя раньше. — сказал он, подойдя к Оллану вплотную. — Только все эти сожаления тебе не помогут. Ничего тебе не поможет. Ничего.

Насмешливый взгляд старика неожиданно привел Оллана в ярость. Он попытался рвануться и упал на земляной пол. Старик нагнулся к нему и негромко сказал:

— Если ты надеешься на чудо, то я могу пообещать тебе — чуда не будет.

Прошла ночь — полная страха и одиночества. Трансформация в волка не помогла — зверь остался лежать на полу, не в силах двинуть лапами. До Оллана доносились какие-то крики, слышимые откуда-то издалека, но он не мог разобрать слов и молча лежал на земле, испытывая непреодолимое желание завыть. Только это он тоже не мог сделать.

Оллан вернулся в обличье человека за несколько минут до того, как в сарай вошел Узур в сопровождении всё также одетых в черные одеяния двух спутников эмиссара.

Староста потоптался на пороге и, опять почему-то глядя в сторону, сказал:

— Ты прости нас, Оллан. Прости, если сможешь. Мы простые люди и мы не сможем противостоять… — он закашлялся. — Поверь, нам будет очень сильно тебя нехватать, даже если мы и не сможем потом этого понять. Прости.

Узур повернулся и вышел из сарая. Он не знал, что Оллан изо всех сил пытался спросить его, за что староста просил у него прощения. Пытался — но не смог.

После полудня его вытащили из сарая — два человека в черном положили его на лошадь и направились в центр поселка.

А там Оллан увидел огромный столб, врытый в землю и обложеный пучками соломы. Вокруг него молча толпились все жители деревни, но при виде Оллана толпа пришла в движение.

Крики раздались со всех сторон, многие тянули к вервольфу руки, а через несколько секунд Оллан смог разобрать те фразы, которые кричали его односельчане.

— Люди, вот он! Проклятый оборотень! Убийца! Тварь! Сдохни, чудовище! Смерть оборотню! Смерть! Смерть! СМЕРТЬ!!!

Он был необычным вервольфом — в нем не было желания убивать, он никогда не испытывал злости и ненависти, и ему было намного тяжелее, чем другим оборотням, попавшим в лапы эмиссаров Двенадцати. Оллан понял, за что просил прощения Узур, понял, что страшнее смерти и совсем не почувствовал, когда огонь — Алый Огонь Очищения — лизнул его тело. Последнее, о чем он подумал, это то, что скорее всего, с ненавистью умереть было бы намного легче. Но он не умел ненавидеть и убило его не пламя, а боль, которая была во сто крат сильнее огня. Боль, которая действительно была страшнее смерти.

Биограф

Биограф первой категории Пол Ленски любит ездить в метро. С его-то работой он вполне может себе позволить себе ездить на позолоченном бентли с бриллиантовыми дисками, но он ездит в метро.

Конечно же, он бывает там не под своим лицом. Его хоть и не показывают по телевидению, но знает огромное количество человек. Тех, которые сейчас толкают его в спину, топчутся по ногам и огрызаются на замечания.

Поэтому Пол Ленски искусно маскируется. Он может быть бородатым студентом, старенькой бабулькой-китаянкой, беременной проституткой и даже пьяным менеджером. Уж с теми возможностями, которыми обладает любой биограф первой категории, Пол Ленски может позволить себе любую маскировку. Наверняка, захоти он — и его превратили бы в самого настоящего джанхарского барса. Но джанхарские барсы не ездят в метро, так что Пол Ленски ограничивется вполне реальными персонажами.

Обычно он делает круг по кольцевой, прежде чем переходит на нужную ветку и едет на работу.

Свою работу биограф Пол Ленски обожает и по праву считает самой лучшей работой в мире. И дело вовсе не в том, что согласно Седьмому параграфу ему полагалется ежегодная государственная биографическая гран-премия. Деньги — это хорошо, но ведь не главное.

Процесс — вот что любит в своей работе Пол Ленски. Начиная с того момента, как перед ним появляется новый impersonal, и заканчивая тем, когда дверь закрывается за человеком, получившим новую биографию.

— 1724-09. Двадцать семь биологических лет, водитель категории А, Б и Ц. — говорил какой-нибудь impersonal.

— Иван Андреевич Демидов, имеет жену Анну, хочет ребенка, мальчика. Родился на Брянщине, родителей не помнит, рос в детдоме… — начинал Пол Ленски и закрывал глаза.

Он всегда закрывал глаза, когда рассказывал новую биографию. Картинки из жизни Ивана Андреевича Демидова слайдами мелькали в сознании Пола Ленски, а он лишь описывал их.

— В возрасте четырнадцати лет по глупости угнал мотоцикл, за что был поставлен на учет в милиции. Курил с пятнадцати до восемнадцати, потом бросил раз и навсегда. — рассказывал биограф.

— Простите, а я люблю картошку?

— Да, ты любишь картошку, особено жареную с луком.

— А пюре? Господин биограф, пюре я люблю?

— Да, ты любишь пюре. — благосклонно отвечал Пол Ленски и продолжал. — Но ты терпеть не можешь рыбу, особенно селедку под шубой. Ты собираешься этим летом поехать…

И он уже любит пюре, а вид селедки сейчас вызовет у него рвотные позывы. Он уже хочет рассказать своим друзьям про угон мотоцикла и вспомнить, как в детдоме объелся зеленых слив.

А Пол Ленски рассказывает дальше, вплетая нити его новой биографии в общую картину.

Потом impersonal уходит, а приходит новая особь, которая оказывается какой-нибудь Анной Георгиевной Демидовой-Ложкиной, имеющая мужа двадцати семи лет, втайне от него принимающая противозачаточные, но любящая его.

У них появляются новые друзья и родственники. Потом у тех появляются новые друзья. Они живут новой жизнью, согласно Первому параграфу и его шестидесятью восьми поправкам.

А потом, спустя от трех до пяти лет, в зависимости от производительности, все эти андреи демидовы исчезают из жизни, а в кабинете у биографа появляются новые impersonal.

Вот такая сложная работа у биографа первой категории. Государственно важная. Социально ответственная. Но Пол Ленски не боится трудностей и ответственности. В конце концов, именно поездки в метро закалили его дух, да и тело тоже.

— 16250-908, сорок четыре биологических года, профессиональный каменщик-штукатур.

— Аршак Маисович Тер-Оганян, в разводе, от первого брака имеет двух дочерей, от второго…

— Господин биограф, а в детстве я любил играть в футбол?

— Да, и очень неплохо…

— 18075-11, двадцать три биологических года, младший бухгалтер.

— Инна Романовна Гольдина, незамужем, встречаешься с байкером по прозвищу Скопер…

— Господин биограф, а мне когда-нибудь дарили много роз?

— Нет, но на двадцатилетие твой бывший парень Иван Демидов подарил тебе сто одиннадцать хризантем…

Судьбы сплетаются воедино. Биограф первой категории должен держать в голове одновременно истории примерно ста тысяч человек, а Пол Ленски мог держать до ста двадцати пяти тысяч.

А потом наступает момент, когда в кабинет к Полу Ленски входит очередной impersonal, и на датчике личного физиосканера

тревожно загорается красная лампочка.

Это означает, что когда-то этот человек, будучи иваном демидовым или васей ветровым, что-то сделал в метро. Может, на ногу наступил, а может выругался грубо — и попал в поле зрения самых новейших приборов распознавания личности. Его занесли в личную базу данных Пола Ленски, где он и покоился в ожиданни, когда его тело попадет в кабинет биографа.

И вот он переступает порог, лампочка загорается и пока impersonal называет свой код и возраст с профессией, Пол Ленски принимает серьезно-зловещий вид. А потом говорит громко:

— Сергей Сергеевич Сергеев, ты пассивный гомосексуалист и был им всю свою жизнь. Если ты действительно хочешь услышать про свое детство, то я с удовольствием тебе расскажу про него. И начну пожалуй с папаши-педофила и бешеной собаки…

И вот понурый Сергей Сергеев уходит, а Пол Ленски ухмыляется ему вслед, совершенно не волнуясь насчет падения рождаемости. В конце концов, ничего ему не мешает сказать следующему посетителю, что у него три любовницы и еще жена, жаждущая детей больше всего на свете.

А пидарасы должны быть наказаны по заслугам.

Ромкин рассказ

Музыка:
Squirrel Nut Zippers — bad bussinesman

ГОЛОД

Сначала у него закончилось мясо. Курица, немного свинины и кусок сала, отправившийся в сковородку вместе с картошкой, луком и укропом. Шкварки из него были изумительны. Мда… были…

Хлеб, макароны, крупы, сахар-соль-перец, лавровый лист, кожаная куртка и три пары туфель… Суп из последних по вкусу почему-то напомнил уху.

Два таракана и четыре мухи. Фуууу, бля, гадость! Гадость? Ну это смотря когда посмотреть.

Электропроводка не имела вкуса и запаха, но зато имела разный цвет. В отличие от побелки, использованной вместо муки, когда он делал блинчики их обоев.

Дерево есть можно. С железом сложнее.

Потом было жаркое. Чудное жаркое и бульон. Недосоленный, правда (соль закончилась вместе с туфлями), но ведь мясной бульон! И жаркое не из долбаного линолеума, а из мяса.

Ушел голод, пришла боль. В левой ноге. Он вспомнил, кажется, это называлось фантомной болью. Чтобы отвлечь мозг от левой ноги, пришлось добавить в рацион котлеты и отбивные. Правая нога закончилась так же быстро, как и левая.

После ног были руки. Потом пришлось есть сырое мясо, так как готовить ему было нечем. Почки, печень, сердце — короче, весь ливер. Ребрышки (почти такие же вкусные, как свиные).

Потом он съел глаза и уже не мог видеть, как оголодавший рот жадно сжирает губы, пытаясь добраться до самого себя.

Сытая челюсть, отполированная острыми клыками, еще долго отрыгивала, валяясь на железобетонной плите среди обрывков линолеума.

Лампочка и сигарета

Разговор этот завел Лева Зильберштейн, после трех партий в шахматы, когда уже стемнело, а возиться с удлинителем и выносить лампу было еще лень. Развалившись на своем уличном стуле и уставившись в серое небо, Лева глубокомысленно изрек:

— Мы сейчас с тобой летим.

— Куда? — на автомате спросил я, придумывая причину, почему именно Лева должен принести из дома свою лампу, а не я свою.

— Не куда, а когда. — ответил Лева. — Мы летим в будущем. Причем летим с постоянным ускорением, которое растет с геометрической прогрессией.

За забором было слышно пьяное пение Гориллыча. Судя по тому, что к нему примешивался лай Тужурки, Гориллыч снова выгнал ее из будки и забрался туда сам. Впрочем, Тужурка может лаять на все, что угодно. Непонятно, что в ней Рекс нашел.

— С таким ускорением можно и уебаться куда-нибудь. — заметил я.

Лева — интеллигент. Поэтому он сначала поморщился, что было заметно даже без света, а потом сказал:

— Мы не живем настоящим и никогда не жили. Мы всегда жили в будущем. И сейчас сквозь него летим. Поэтому нашу жизнь уместно сравнивать с полетом. Я сейчас не про нас с тобой говорю, а про все человечество.

— Слышь, человечество, лампу вынеси. — пробурчал я. — У моей провод перегорел.

— Ты сильно удивишься, если увидишь завтра на прилавках одежду с климат-контролем, саморазгоревающиеся консервы и какие-нибудь бесконечные зажигалки? — неожиданно спросил меня Лева. — Если утром включишь новости и услышишь про первую колонию на Марсе? А как ты думаешь, через сколько лет ты услышишь о том, что люди смогут передавать информацию напрямую, и для этого им не понадобится телевидение или интернет? Знаешь ли ты о том, как сильно изменится мир твоих ценностей после того, как в твоей ванной комнате появится молекулярный душ?

Зехеры, которые любит исполнять Лева, мне хорошо знакомы. Только что я проиграл три сотни, и теперь Лева тщательно засирал мне мозги, оттягивая время, чтобы уйти домой с наживой. Поэтому я снова попросил его вынести лампу.

Однако Лева в ответ исполнил кое-что новенькое. Он достал из кармана лампочку, взял ее тремя пальцами, чуть вытянул руку

в сторону… и лампочка зажглась.

— Хера се! — воскликнул я и сигарета, вывалившись из моего рта, упала на новые спортивные штаны. Я подскочил, пытаясь сбросить сигарету прежде, чем она проделает в штанах дырку, неловко взмахнул рукой. Лампочка вылетела из Левиной руки и тут же погасла.

В следующую секунду мы услышали характерный звук лампочки, бьющейся о кирпичную стену.

— Как ты это сделал?!

— Зачем ты это сделал?!

Эти два вопроса мы задали друг другу одновременно, после чего я уставился на Леву в немом восхищении. Лева натуральным образом светился. Таким слабым мутным, слегка зеленоватым цветом.

— Лева, ты…

— Я не Лева, дурак! — ответил мне Лева и стал на моих глазах растворяться в воздухе, меняя к тому же внешность. — Лева спит.

— А ты кто? — растерянно прошептал я, уже догадываясь.

— Ты знаешь. — подтвердил мою догадку Никола Тесла, превращаясь в почти бесцветный пар.

— Стой! — заорал я так, что перестала лаять Тужурка и даже Гориллыч замолк на несколько мгновений. — Стой! Не уходи! Расскажи еще! Расскажи про нашу жизнь!

Но Никола Тесла исчез. А через мгновение что-то слабо вспыхнуло и погасло в том месте, где предположительно упала и разбилась лампочка.

— Ну хоть три сотни сэкономил. — философски заметил Рекс из-под стола, где он лежал все это время.

Почуяв, что я не в настроении, пес молча перебрался в будку.

Я растеряно смотрел на Левин стул, у моих ног тлела сигарета, а из-за забора доносилась унылая песня, смешанная с собачьим лаем. И знаете, что? Я пошел домой, взял бутылку водки и направился к Гориллычу. Почему-то мне подумалось, что сейчас только он сможет рассказать что-то толковое про нашу жизнь.

Но перед этим я растоптал долбаную сигарету так, что превратил каждую табачинку в молекулу. Впрочем, тут же прикурил новую, щелкнув своей бесконечной зажигалкой.

лампочка

Это ты? Не может быть!
Ты здесь, чтоб меня убить?

Уже давно заполночь, а я не сплю. Проснулся, сижу на кровати, и смотрю на щель между дверью и полом, в которую пробивается свет коридорной лампочки. Той, которую я выключил перед тем, как пойти спать.

Прислушиваюсь к тишине, царящей в доме. С тоской вспоминаю о том, что на кухонном столе на самом видном месте лежит топорик для разделки мяса, а рядом с ним вечерняя газета, рассказывающая о маньяке, недавно появившемся в окрестностях.

И почему-то вспомнился утренний разговор с женой, которой я не только отказался дать развод, но и пообещал завтра заблокировать все счета.

А в обед был разговор лично с Иваном Андреевичем Каустинским по прозвищу "Индеец". На фотографиях, которые я ему показал, он снимал скальпы со своих должников и кредиторов. Я дал ему сутки на размышление.

Я думаю о том, что перед тем, как зайти в спальню, я выключил свет. Кажется, выключил

Сейчас я не уверен даже в том, закрыл ли я входную дверь. Но чтобы проверить это, мне надо встать с кровати, выйти из спальни, спуститься вниз и…

Я боялся даже встать с кровати, не то что выйти из спальни. Я просто думал о том, что на самом деле я не выключил свет. Забыл это сделать. Такое бывает. Мне просто надо успокоиться и лечь спать.

И когда я уже почти поверил в то, что забыл выключить свет и готовлюсь улечься на кровати, в полоске света отчетливо мелькает чья-то тень.

Это может быть сосед, на которого я донес, что он выращивает у себя марихуану. Конечно же, он не должен был узнать, что это я, но коррумпированность системы все же существует.

А может быть, это придурковатый боксер с соседней улицы. Его жена была так поддатлива, что я не смог устоять, и это продолжается уже второй месяц. Возможно, он что-то узнал, и тогда уже неважно, откуда.

Свой мобильник я оставил внизу. Последний звонок был Максу. Парень был пьян, когда я предупредил, что подам на него в суд, если он не погасит свой долг мне. Бросил телефон на

тумбочку. Потом пошел спать…

Но зачем убийце включать свет? Это ведь глупо. Нет, здесь что-то не так. Надо успокоиться и подумать. Или подумать и успокоиться.

Нет, это не человек, это животное. Какая-нибудь сраная кошка запрыгнула в окно… точно! Я открывал окно внизу, на кухне, когда курил. Мог отвернуться, и в этот момент кошка запрыгнула, спряталась за холодильником, а теперь бродит по пустому, как ей кажется, дому.

А свет я просто забыл выключить. И никаких убийств.

Когда я убеждаю себя в этом и снова собираюсь улечься на кровати, ручка двери спальной поворачивается, дверь открывается, а в проеме появляется лезвие моего топорика для мяса.

И надо бы успокоиться, подумать и как-то объяснить все это, но для этого надо время, а его у меня нихера и нету. Я смотрю на топор и вспоминаю, как щелкнул выключателем, погружая коридор в темноту.

Может, это продавец какой-нибудь, а?

Время кино

— Я Летающий Спасатель Сершой, кто звал меня на помощь? Если где-то катастрофа…

— Стоп! — пронесся над площадкой голос режиссера. — Стоп! Ну это никуда не годится! Лавр!

— Что? — отозвался актер.

— Ты сценарий читал?

— Читал.

— Ты хоть понимаешь, что мы снимаем героическое кино? Это значит кино про кого?

— Про героя? — несколько неуверенно предположил актер.

— Именно, Лавр! Про героического Летающего Спасателя.

— Ну так я летаю и спасаю. — попробовал съерничать актер, но тут же поправился. — Так в чем проблема?

— Лавр, ну мы же это с тобой уже обсуждали! — простонал режиссер, заламывая руки. — Почему ты не играешь свою роль?

— Я играю…

— Нет, ты не играешь! — воскликнул режиссер. — Ты стоишь и мямлишь заученный наизусть текст, словно студент на пересдаче. Лавр, ну ты же не студент?

— Я не студент.

— Ты не студент, Лавр! Твое лицо когда-нибудь увидят тысячи, миллионы, миллиарды зрителей! Ты хочешь, чтобы тебе было стыдно за то, что ты сейчас делаешь? Хочешь, чтобы время, которое ты здесь тратишь перед камерами, ушло впустую?

— Не хочу. — пробубнил актер.

— Мне нужны эмоции, Лавр! Э-мО-цИ-И! Сделай так, чтобы твое лицо выражало хоть немного чего-то другого, кроме этой е<….>й улыбки! Надменность, например.

— А почему это надменность? — удивился актер.

— Ведь ты же летающий человек, Лавр. Ты умеешь летать.

— И что? — спросил актер.

— А то… — режиссер спрыгнул с балкона и плавно подлетел к актеру. — А то, что мы снимаем кино про двадцатый век, и люди тогда еще не то что летать, они общаться не умели. Понимаешь? Не умели.

Актер замолчал, попытавшись выудить из своей памяти все, что ему было известно о предыстории мира. Однако попытка не увенчалась успехом, так как почти все кластера были переполнены архивами финансовых сводок с межпланетных бирж и интерактивными биографиями наиболее выдающихся

торпедистов. Поиски предыстории мира с его варварским двадцатым веком могли бы занять три с половиной секунды, что вдвое превышало лимит, отведенный на съемки фильма.

По этой причине Лавр свернул всю деятельность, освободив мозг от видения съемочной площадки. И когда режиссер вместе с камерами и съемочной группой окончательно растворились в сознании, Лавр отправился на поиски новых планет. Для этого хотя бы не надо знать историю и корчить глупые рожи. Самое сложное — это сконструировать и построить свой звездолет. Почти две секунды.

Жалко, конечно, столько времени, но оно того стоит.

Хроники одного рейда

— Хей, мальчики-девочки! Ну что, все готовы? Дёма, силу активировал?

— Все о-кей, Кубыч!

— Молодец. Наташа! Наташа!

— Да.

— Я просто удостовериться, что ты с нами. Ну что, поехали. Макс и Визин, транспорт. Джампер, ты со своими последний. Ну, с Богом.

(спустя две минуты)

— Джампер, оборону. Наташа, строй базу и две фермы, потом прокачивай кузницу. Макс, сворачивай оба транспорта, Визин…

— Я с Робиком на разведку пошел.

— Визин, ты все сделал правильно, но если ты еще раз влезешь в эфир без разрешения, я выкину тебя из пати, а завтра утром дам тебе в ебало. Без обид, мы уже это обсуждали. Робик! Карт-бланш на любые странности. Дёма, силу надуваешь?

— Да, босс!

— Не забывай о резистах. И как найдем тайник, сразу апгрейдь топор до боли. Робик, докладывай.

— Север от базы чист, двигаюсь на северо-запад.

— Джампер, продвигайтесь на север. Наташа, строй теле…

— Найден тайник на северо-западе, четыреста семьдесят монет!

— Дёма, на северо-запад, срочно. Робик, Визин, кройте тайник. Красавцы, парни, вовремя. Наташа, строй телевизор к югу от базы, а как Визин топор заапгрейдит, заказывай зажигалку.

— Поняла.

— Макс, транспорт свернули?

— Да.

— Стройте лесопилку.

— Бля, мы че, опять лес рубить будем?

— Макс! Мы же…

— Да ты заебал, в натуре, мы че тут, зэки, что ли? Все качаются, а мы лес хуярим. Давай, ты лес рубить будешь, а я рулить и командный опыт получать!

— Слышь, Макс, во-первых заткнись и не истери, во-вторых не матерись, с нами две девушки, а в-третьих, если еще раз это повторится, выйдешь из пати.

— Ебать, ты меня сейчас напугал! А хуле ты мне, как Визину, в ебало дать не обе…

(!!!MAX!!! good bye!)

— Техники, у кого есть чертежи лесопилы?

— У меня.

— У кого у меня? Ник какой?

— Баркевич.

— Ага, отметил. Баркевич вместо Макса. Стройте лесопилку, потом подтягивайтесь к южной зажигалке.

— Синие на севере. Приближаются.

— Кто?

— Да хэзэ, сканер показывает десять единиц.

— Крестьяней, что ли, послал? Робик, выдвигайтесь на север.

— Уже идем туда. Блядь! Тут танки!

— Какие танки? Откуда?

— Тут еще пять двадцатых и один двадцать седьмой. Пиздец… Посмотрите в личке.

— Бля… а откуда?

— Пиздец… откуда?

— Пипец… а как такое может быть?

— А во сколько начало было? Точно в семь?

— Я уже смотрю. Бля, так оно в шесть было! Кубыч, мудак! Слышь…

(Coobych good bye)

— Опачки! Нихуя себе мы без рулевого остались!

— Ребят, может хватит мата, а? У меня ребенок в соседней комнате, я и так уже колонки на минимум поставила.

— Наташ, а ты ребенка в аренду сдавай на время пати, как в курятнике.

— Визин, знаешь, если не Кубыч, то я тебе в ебало дам, простите мой французский. Короче, что нам делать?

— Мне похуй, я топор заапгрейдил, сила есть, пойду качаться.

(Dyoma-Killer are hunder attack!)

— Бонита, а ты обе фермы построила?

— Да, обе, и меня зовут Наташа.

— Денег что, вообще нет?

— Нет.

— Бля, вот вы пидарасы!

(Barkevich good bye)

(El Muerte good bye)

(Vampire good bye)

(Doctor good bye)

— Пипец долбоебы! Пока всем.

(Vizin-nevedimko good bye)

— Ара, ты куда, меня же видно!

(Ara-Robic-Ara are hunder attack!)

(Ara-Robic-Ara destroyed!)

(Ara-Robic-Ara good bye)

— Ну, блин, сходили в рейд. И че теперь делать?
— Че делать? Домой езжай! Я сейчас готовить буду, с ребенком хоть позанимаешься.
— Наташ, я хотел еще в магазинчик заехать…
— Никаких магазинчиков, Олег. И вообще, позвони на телефон.

(La isla bonita good bye)

— Все, парни, надо ехать, жена бушует.
— Джамп, ну мы же бахнем на посошок?
— Легко! Всем пока. Дёма, удачи!
— Спасибо. Давай, Джамп.
— Давайте, парни.
— Пока.
— Пока.
— Пока.

(Jumper good bye)

(Papa SmirnOFF good bye)

— Ну че, давайте, до следующего рейда.

/good bye

Фоб

Вася Опенкин боялся метро. Ну то есть не самого метро, а трех вещей: кончающегося эскалатора, полоски у края перрона и турникета. Эскалатор мог оторвать подошвы от ботинок, створки турникета могли размозжить важные причиндалы, а стоя возле полоски, Вася Опенкин в каждом прохожем видел маньяка, который выжидал момент, чтобы столкнуть зазевавшегося Васю на рельсы. Поэтому Вася не ездил в метро.

Вася Опенкин считал, что телевизоры, компьютеры, микроволновки и мобильные телефоны созданы для того, чтобы контролировать численность населения, которое за последнее время уж слишком сильно увеличилось. Когда кое-кто из олигархов публично признался, что не пользуется сотовым, Вася укрепился в своем мнении и выбросил свой телефон, а чуть позже и микроволновку.

Вася Опенкин верил в мировой заговор. Он знал, почему на Земле не прекращаются войны, мог поименно назвать состав мирового правительства и просчитал почти все схемы, по которым отмывались деньги колумбийских наркоторговцев. Понимая, что с такой информацией долго не живут, и опасаясь за свою жизнь, Вася Опенкин сменил имя и фамилию.

Ваня Копейкин был задержан, когда пытался сжечь журнальный киоск, в котором продавались журналы с закодированными фотографиями моделей. Пытаясь объяснить патрульным, что все фотографии мужчин и женщин несут в себе скрытый призыв к однополой любви, Ваня Копейкин понял, что менты куплены на корню и сумел сбежать.

Ваня Копейкин забежал в подземный переход, а оттуда — в метро. Турникет прищемил ему яйца, но Ваня не обратил внимания на боль. Точно так же он не обратил внимания на оторванные подошвы, и не заметил маньяка, подкравшегося сзади.

А мировые банкиры продолжали устраивать войны, отмывать наркоденьги и выпускать микроволновки.

Да и метро, в общем-то, продолжило работать в штатном режиме.

Наболевшее

— Макдональдовская жратва — это наивысшая мерзость, которая может попасть в человеческий желудок. — сказал Сергей.

При этом он скорчил лицо так, словно всем своим видом пытался показать, насколько еда из Макдональдса омерзительна.

— Не вся. — заметил Альберт. — Не вся. Вот, например, картошка по-деревенски и сырный соус очень даже себе ничего.

— Вот именно, что ничего! — воскликнул Сергей. — Ни вкуса, ни пользы, ни-че-го, кроме упаковки! Осмелюсь спросить, дружище, ты когда-нибудь ел молоденькую вареную картошку с укропчиком и сливочным маслом?

— Тупой вопрос. Ну конечно же ел! — фыркнул Альберт. — Дело не в этом. Это разные вещи, их нельзя сравнивать.

— Естественно! Как можно сравнивать говно и вкусную еду? Еще раз повторяю, жратва из макдональда — вредная отвратительная пища, и все, кто ее ест, либо моральные уроды, которым наплевать на свое здоровье, либо те, кто понятия не имеет о том, что в мире кроме говна есть еще и вкусная еда.

— Эээээ… — нахмурился Альберт. — Братух, может, не стоит так обобщать?

Поняв, на что намекает его собеседник, Сергей вздохнул.

— Ну, может и не все… — сказал он. — Но большая часть, это уж точно. Не понимаю, как можно жрать эти отвратительные гамбургеры с генетически модифицированным мясом, приготовленным на прогорклом масле. Тем более, что эта еда вредна не только для желудка, но и для мозга. В смысле, идеологически.

— Не понял. — сказал Альберт. — С этого места поподробнее.

— Да чего там подробнее. — Сергей, насколько это позволяло, махнул рукой. — Слышал рекламу по телевизору? Свежая булочка с кунжутом, говядина, салатный лист, соленый огурец…

— Ну, соленый огурец — это отдельная тема. — вставил Альберт. — Через это, по-моему, все прошли.

— Да я не о том. — сказал Сергей. — С огурцами понятно. Но, блин, эти гамбургеры, они ведь на каждом углу. Разве не ясно, что эта дрянь — культ для пиндосов — скоро станет и нашей культурой. Слышал, как она сегодня говорила? Ах, если я не сьем чикен мак-нагетс, то умру. Ты врубаешься, братан? Чикен мак-нагетс, или умру. Вот ее жизненная философия. Она не хочет суп со свежим мясом, не хочет молодую картошку или

вкуснейших домашних котлет… чикен мак-нагетс, бля. Заебло!

— Слышь, ну ты это… — недовольно буркнул Альберт. — За базаром следи.

— Да наболело просто. Знаешь, Альберт, что я тебе скажу? Еще одна порция этого долбаного макдачного говна — и я блевану.

— Ты что, охерел?! — Альберт не на шутку всполошился. — Ты это, уймись. Нам недолго осталось, выйдешь, тогда блюй сколько хочешь, а пока терпи!

Пару минут они молчали.

— Я когда выйду, я эти ебаные МакДаки закрою нахер. — с ненавистью пообещал Сергей. — Поставлю на их место блинные, пельменные, борщевые, котлетные… Вот клянусь тебе. Дай только срок. Сколько там, три месяца осталось… а потом Серега выйдет на тропу войны, и пиндосскому отстою придет пиндец.

Он повернулся на бок и вздохнул.

— Слышь, ты че, спать будешь? — поинтересовался Альберт.

— А что еще делать? — буркнул Сергей. — Меня от кока-колы пучит, от чикен мак-нагетса блевать хочется, а от сырного соуса…

— Спи, спи! — торопливо воскликнул Альберт. — Я тоже посплю.

И тоже повернулся на бок, устраиваясь поудобнее. А про себя вздохнул, понимая, что даже если он и пытался спорить с братом, в душе все равно был с ним полностью согласен.

Сидящая за дальним столиком женщина доела свой чикен мак-нагетс, допила кока-колу и осторожно встала из-за стола. Ее живот был слишком большим для шестого месяца — и не мудрено, ведь ожидались близнецы. Мальчики.

Они с мужем уже и имена им придумали.

Дьявольская подляна

Однажды к Большому Манху пришел дьявол в овечьей шкуре.

— Хочешь зарабатывать тыщу? — спросил дьявол у Манха.
— А больше можно? — подумав, поинтересовался Манх.
— Сто тыщ.
— В месяц?
— В день.
— Сто или двести?
— Триста.
— А хочу. — согласился Манх.
— Но за это до конца жизни ты каждый день с восьми до девяти утра будешь чистить зловонный сортир.
— Один час?
— Каждый день.
— Триста тыщ?
— Самый зловонный в мире сортир. — честно предупредил дьявол, пряча козлиный хвост под шкуру. — И никаких замен и халтуры. Шестьдесят минут в двадцать четыре часа ты один на один с нечистотами. Начиная с завтрашнего дня.

Манх задумался.

— А деньги сразу? — уточнил он на всякий случай.
— Отработал час — получи триста кусков. — подтвердил дьявол. — И в качестве бонуса — листовка со стихами о том, что все профессии важны. В перспективе возможны небольшие премии.

Манх взял калькулятор и посчитал, сколько денег он сможет заработать за год. Потом ради интереса умножил это на два.

— Деньги полностью легальны и освобождены от налоговых обложений как платежи оттуда. — дьявол посмотрел наверх, овечья шкура упала на пол. — Наличные, золото, антиквариат по среднекаталожным расценкам, как тебе удобно. Можешь тратить их сам, можешь раздавать кому угодно, в общем двадцать три часа в сутки меня не будет интересовать, чем ты занимаешься.
— А один час стоять в дерьме?
— По колено. — поспешил уточнить дьявол. — У нас, конечно же, джентельменское соглашение, но некоторые детали, думаю, стоит уточнить. По колено, компреневу?

— По щиколотку, и давай без этих ваших зехеров. — нахмурился Манх. — Ты что думаешь, если Манх ишаков пасет, он совсем дурак? Если что-то пойдет не так…

— Знаю, знаю. — поспешил успокоить его дьявол. — Конечно же, я помню о защите прав продавших души. Мои условия вполне просты и я настроен на долгосрочное сотрудничество. Итак, один час каждый день до конца жизни в говне по щиколотку.

— С восьми до девяти? Или можно с девяти до десяти?

— Можешь выбрать свой час себе сам.

— Хорошо. А что мне придется делать в этот час в сортире?

— Будешь лопатой раскидывать дерьмо во все стороны.

— То есть бессмысленная тупая работа. — кивнул Манх. — Как быстро я должен раскидывать дерьмо? Что будет, если тебе покажется, что я работаю медленно?

— О-кей, у тебя не будет лопаты. — вздохнул дьявол. — Ты будешь один час просто стоять в говне. Каждый день. До конца жизни. И ежедневно получать свои деньги.

Манх задал еще шесть вопросов. Наверное, он должен был задать шестьсот шестьдесят шесть, но на шестом дьявол выловил бешеный кайф, посоветовал Манху отправляться к ишакам и исчез.

А Большой Манх так и не понял, в чем была та самая дьявольская подляна, ради которой обычно все затевается. Поэтому до сих пор пасет ишаков и каждый день считает на калькуляторе, сколько бы он уже денег нажил, если бы тогда сразу согласился.

Теория порядка

— Да что же это такое! Все дети как дети, путешествуют, снимают, исторические фильмы монтируют, а ты?! Семушкин! Что ты молчишь?!

— Простите меня, господин учитель.

— Ты что, хочешь, чтобы у нашего класса отобрали лицензию на путешествия во времени? Зачем ты передал князю Владимиру чертежи устройства управлением торнадо?

— Я проверял одну важную штуку, господин учитель.

— О, господи… Какую еще штуку?

— Васька Еремин из полпятого «Б» сказал, что таким образом можно изменить наш мир. Я думал, что если получится, то…

— Если получится? А что получилось, ты знаешь?

— Нет, господин…

— Ну так смотри, дебил! Посмотри, что произошло с моей коллекцией бабочек!

Бабочки, находящиеся в индивидуальных блок-аквариумах, действительно вели себя странно. Зависнув на одном месте, они бешено махали своими разноцветными крылышками, словно пытались дружно вызвать хоть небольшое подобие бури.

странный рассказ

Она сказала мне, что любит джаз.

Я встретил ее на одной из вечеринок на вилле Хромого Тома в Стентон-Гэмпсе. Что я там делал до того, как увидел ее, и что я вообще делал всю жизнь, не видев ее — этого я уже не помнил и не понимал.

Знаете, бывают девушки, которым смотришь в глаза — и тонешь в них. Голос слышишь — и голова кружится, как от ангельской пыли. До руки дотрагиваешься — и искры по всему телу.

Она была именно такой. То есть нет. Она просто была другой. Не такой, как все, вообще другой. Когда мы встретились взглядами и она улыбнулась мне, я подумал, что сейчас растекусь по паркету из черного ореха, словно расплавленный воск. Дженко Фирелли даже подошел ко мне и поинтересовался, чем таким я закинулся, что стою одуревший, словно Эл Капоне перед Веселым Стулом.

Хромой Том представил меня ей. Я позаботился о том, чтобы перед этим жена Тома рассказала ей, на какой машине я сюда приехал, и почему за моим теннисным кортом сейчас строится вторая вертолетная площадка. Хромой Том оставил нас одних и она сказала мне, что любит джаз.

Я готов был положить к ее ногам весь мир, и для этого мне надо было всего лишь две минуты. Две минуты и телефонный звонок Сохо Адамсу, известному так же как Сохо Попутчик или Старый Сохо.

Я вышел на балкон и посмотрел на волны Атлантического океана, бившиеся о скалы, на которых стоял дом Хромого Тома. Шум прибоя был еле слышен, заглушаемый стуком моего сердца. Собравшись с мыслями, я достал телефон и набрал номер.

— Сохо, это я. — сказал я.

— Да, слушаю. — ответил немного сонный голос Сохо.

— Мне нужно, чтобы через час все цветы, которые продаются в Стентон-Гэмпсе, были на моей яхте вместе с самыми лучшими джазменами мира. Луна, звезды, немного облака — все только в форме сердечек. Вокруг яхты вода в заливе должна быть шампанским. Рыбы должны выпрыгивать из воды и петь голосом Луи Армстронга. Всю ночь падают звезды, а на восходе белый дракон приносит в зубах шоколадные трюфеля тетушки Карлотты. Сохо, что из этого ты сможешь сделать?

— Ну… — на пару секунд в трубке возникла пауза. — С

цветами и конфетами не проблема. Да в общем-то и с остальным тоже.

— Тогда делай.

Я отключил связь, посмотрел вдаль, на секунду закрыл глаза, вспоминая ее волосы, водопадом спадавшие на плечи. Хотелось зарыться в них, хотелось…

— Выпьешь со мной?

Голос, раздавшийся за моей спиной, принадлежал ей. Это было так неожиданно, что я вздрогнул, и телефон, кувыркаясь, полетел вниз, где разлетелся вдребезги на моих глазах в еще не сгустившихся сумерках.

Я повернулся. Она смотрела на меня, улыбалась и держала в руках два бокала с шампанским, один из которых протягивала мне.

Эта улыбка… я просто сходил с ума.

— Телефон. — нелепо улыбнувшись, выдавил я.

— Что телефон?

— Телефон упал. Туда. Ты меня так позвала неожиданно. — я нервно хихикнул, посмотрел через балкон.

— Ой, прости…

Кажется, она действительно расстроилась. Но из-за чего? Из-за того, что я потерял телефон стоимостью в семьсот фунтов, или из-за того, что на этом телефоне был записан номер Сохо?

— Прости? — переспросил я. — Малыш, ты когда-нибудь слышала про Старого Сохо?

— Нет.

Я взял у нее бокалы, поставил на перила балкона, затем достал Десерт Игл и попросил ее снять сережки, кулон и кольцо. А когда она в слезах попросила объяснить, что это значит, я объяснил:

— Детка, у нас ничего не получится, потому что я уже никогда не смогу тебе простить потерю телефона с номером Старого Сохо. Для нас обоих будет лучше, если я просто сниму с тебя эти цацки и хотя бы компенсирую семьсот фунтов. У тебя есть сестра?

— Есть. — ответила она, всхлипывая и снимая украшения.

— Познакомишь в течении часа? — спросил я, передергивая затвор пистолета.

Она молча кивнула.

— Надеюсь, твоя сестра тоже любит джаз. Иначе все зря.

И я подмигнул ей, чтобы она не сильно расстраивалась.

про рассказ

Здесь был рассказ о том, как один писатель написал книгу про будущее, а это будущее начало сбываться. Писатель понял это сначала по маленьким событиям, а потом по большим, глобальным. Ну всякие там войны, катастрофы, с каким счетом Барса победит. А так же всякие механические штучки вроде дукстеров, маркстеров и текстеров. Ну и понятное дело, все это на фоне мирового заговора.

Писатель просек эту фишку и первым делом попытался изменить грядущий сценарий, поскольку финал у книги был далек от хэппи-энда. Делал так, чтобы котлеты не пригорели, Барса проиграла, а война не началась. Но у него ничего не вышло, поскольку всем известно, что будущее предопределено даже для тех, кто не верит, что это так. Тем более где писатель, и где те, кто рулят мировым заговором.

Короче, когда мир был в одном шаге от полной жопы, писатель решил переписать книгу и сделать так, чтобы жопа была хотя бы не такая полная. Но все решили, что первый вариант был круче — и наступила полная жопа. Вообще для всех, даже для мировых заговорщиков.

Тогда писатель сел писать продолжение книги. Такое, чтобы жопа исчезла, все жили счастливо, и чтобы если читатель плакал, то только от счастливого умиления. Долго писал писатель эту книгу, прячась в подвале разрушенного дома от северитов, мародеров, гигантских пауков и жрецов Ле Эстебана. При свете свечи, скрючась, черкал строки обгрызанным текстером на листках бумаги, собранных на мусорной свалке. В общем, херня это все оказалось неэффективная. Читать ведь было некому, плюс у писателя почерк неразборчивый был, а типографии не работали, и вообще людям не до книг было, такая жопа была.

Дальше в рассказе было долгое описание, как писатель мучился и винил себя в том, как все плохо получилось. Ну и типа у него переживания по этому поводу сильные. Мол, зря он написал ту книгу, и все такое. А люди считали его сумасшедшим, кормили пряниками или травили на него собак в это время.

Ну и концовка такая, что когда уже полное отчаяние, писатель встречается с главным плохим из своей книжки, у

которого как раз все зашибись. Чувак хоть и плохой, но у него реально все в шоколаде, он счастлив и конкретно благодарен тому, кто его так нехило обустроил. А, и самое главное — он плохой, злой, жестокий, отморозок, но умный! И он в общем объясняет писателю, что если книга может сделать счастливым хотя бы одного человека, то она написана не зря.

Короче, хэппи-энд.

Вот такой был тут рассказ, но он получился ппц какой нудный и долгий, поэтому я вместо него решил описание оставить.

Точка

Однажды Большой Манх, выгуливая стадо ишаков на деревенском поле, написал Рассказ Смерти. Ну, такой, после прочтения которого люди копыта отбрасывают.

Написать-то написал, а вот точку в конце рассказа не поставил, так сказать, оставил рассказ незавершенным. Потому как иначе получится, что Большой Манх первым этот рассказ полностью прочитал, и тогда ему первому помирать придется. А Большой Манх помирать не спешил.

С другой стороны без точки это не Рассказ Смерти, а рассказ смерти, в общем, фигня какая-то неработающая.

Подумал Манх, взял текилу и пошел к соседу.

— Эй, сосед, амиго! — говорит Манх. — Как у тебя? Все хорошо, мучос конкистадоро эль пренте?

— Нормально. — отвечает сосед. — А ты чего пришел?

— Куба либре, камрад! Ты мне, сосед, точку поставь вот тут. Я вот и стило тебе принес, и чернила, и текилы.

Сосед бумагу посмотрел, которую ему Манх подсунул, перечитал два раза текст, под которым точку ставить надо было, и говорит:

— Слышь, босяк, ты чего мне даешь? Это же Рассказ Смерти неоконченный. Ах ты фраер коцаный…

В общем, избил сосед Большого Манха, забрал у него текилу и прогнал со своей земли.

Тогда Манх пошел к дьяволу. Думает, *ща дьявола обману, он точку поставит, копыта отбросит и я его место займу на троне падших ангелов. Буду сам сидеть в овечьей шкуре и всем грешниками править, заодно соседу чуму на стадо нашлю.*

Красиво все так спланировал, пока шел. Все четко получается, все сходится, главное, чтобы дьявол точку поставил.

Пришел Манх к дьяволу и говорит ему:

— Эй, дьявол, эль хунто команданте! Посмотри, какой я рассказ написал. Но мне кажется, в нем чего-то не хватает.

А дьявол ему в ответ:

— Батенька, да у тебя тут ошибок — мама не горюй.

— Ошибки у меня со школы. — с гордостью сказал Манх, зарясь на овечью шкуру на троне. — А вот чего-то не хватает, почитай, а?

— Точки в конце нет. Вот тут.

Ткнул дьявол своим пальцем с ужасно длинным ногтем в бумагу и в конце строки появилась долгожданная точка. Ритуал был совершен, Рассказ Смерти был дописан и прочитан.

Сразу же дьявол схватился за живот, стал стонать, а Манх засмеялся новым таким дьявольским смехом.

— Вот и все, падший ангел! — сказал Манх, потирая руки. — Все, отгреховничал! Теперь, стало быть, наша власть. Адиос мучачос, гранде революсионаре.

И бочком так к трону падших ангелов, да ручонки к дьявольскому скипетру тянет. А дьявол привстал да как шандарахнет Манха по башке чьим-то черепом. И по рукам, да по ногам. И в печень с левой, и по почкам два раза с правой. Потом опять за живот схватился, стонет, и сквозь стон не то говорит, не то шепчет:

— Не умру я, потому как ошибок много в твоем рассказе было. Туго мне придется ближайшее время, потому как наполовину твой рассказ все-таки сработал. Но тебе, фраер коцаный, во стократ хуже придется, потому как…

Корчась в муках, дьявол очень долго и живописно рассказывал о том, через что предстоит пройти Большому Манху. И, в общем и целом, все сбылось.

Мораль этой истории вовсе не в том, что надо учить грамматику. Ошибиться может каждый. А вот спешить не надо. Если бы Манх к трону не стал раньше времени тянуть ручонки, то мог бы и отмазаться, типа пришел за советом, несчастный случай и все такое. А спалился раньше времени — и получил по ручонкам, по печени и по почкам два раза с правой. Выгреб так, что родные ишаки не узнали.

Да, и еще. От дьявола лучше держаться подальше.

Чей-то дневник

День первый

Старый забор. Заросли бурьяна. И я среди них валяюсь. Ничего не помнящий, без документов, не знающий ни где я, ни кто я. Вообще ничего не понимаю. Мое прошлое — только бледное размытое пятно из чьих-то силуэтов и незнакомых слов.

Страшно немного. Встаю, иду вдоль забора. Мимо люди проходят, косятся на меня, кто-то говорит что-то презрительное про алкоголь и наркотики. Я не пьян и не под кайфом, хочу я сказать им, но не получается.

Я не могу говорить.

Когда я это понимаю, то снова сажусь на землю. Не может быть такого. Я… ведь я мог говорить…

А теперь не могу.

Пытаюсь, мычу что-то безсвязное… Открываю рот, в отчаянии бью рукой по забору.

Плачу, наверное. Без слез. Глаза сухие. Думаю, что если бы я смотрел сейчас в зеркало, то испугался бы себя.

Долго сижу, потом иду просто для того, чтобы идти.

Заборы, лица, голоса, страх. Заборы, лица, голоса, страх. Заборы, лица, голоса, страх.

Музыка. Мелодия. Ну, что-то похожее. Звуки гитары. Образ сразу рисует инструмент. Иду на звуки. Сам не знаю, почему.

Дворовая компания. Шансон. Стою рядом, слушаю. Меня замечают, но не прогоняют, вообще не реагируют. Хотя тот, кто играет, видит во мне нового слушателя и чуть меняет манеру игры. Долго слушаю.

Не выдерживаю, подхожу, протягиваю руку, показываю на гитару.

Наверное, в моих глазах что-то есть такое, что пацан дает мне инструмент. Вся компания молча смотрит на меня.

Я умею играть. Едва мои пальцы касаются грифа, я понимаю, что умею играть, и знаю, как надо играть.

Я играю их же песни, но по-другому. Так, как слышу их я. Мне нравится, им тоже. Один из них протягивает мне руку и называет свое имя. Второй просит спеть.

Я возвращаю гитару, виновато улыбаюсь.

Когда они понимают, в чем дело, один из них советует мне зайти в «Данькин клуб». Показывает, куда идти. Тут недалеко.

Это подвал. Бар, ну знаете, в котором пиво, народ победнее и

музыканты на сцене. Правда, я не смогу петь, но…

А нам певцы и не нужны, сказал мне Джастин, резидент этого клуба. Или хэдлайнер. Или еще кто-то. В общем, Джастин сам путался в терминах, но рулил всем музыкальным оформлением «Данькиного клуьа». И сказал он так:

— Нам певцы не нужны, сынок. У нас даже микрофонов нет. У нас слушают музыку. Хорошую музыку, сынок. Ту, которая заставляет сердце биться чаще. Ты понял? А ну сыграй что-нибудь.

Я понял. Сыграл. И стал работать на разогреве. С семи до девяти, и на подменах до двух ночи. Пока за еду.

День третий

Не помню. Ничего. Сны — клуб, музыка, старая гитара, которую выдал Джастин «на первое время».

Ничего из прошлого не снится и никаких воспоминаний НЕТ!

Играю хорошо. Публика довольна. Джастин тоже.

Играю старый рок. Не знаю, откуда, но я знаю, как играть очень много старых песен. Я один раз слышу мелодию, вспоминаю ее, и играю по-своему. Джастин дал мне на время свой плейер и несколько дисков.

Он здесь не самый главный, этот Джастин. Есть еще Бойко, владелец клуба. Вот он самый главный. Но в вопросах музыки он безгранично доверяет Джастину. Так что мой начальник по сути Джастин.

Джастин играет в прайм-тайм. Это когда много людей в клубе, они сидят за столиками, но не жрут, а слушают. Джастин хорошо играет. Это не я так считаю, а все посетители. У него хорошая электрогитара. Я не знаю цен и лейблов, но я слышу ее звук. Он почти идеален, как мне кажется.

Кормят. Еще разрешили переночевать в сторожке. Это сегодня. А вчера я проснулся в парке на скамейке. Рано утром. Холодно было. Ну да то было вчера. Сегодня уже в помещении спал. Как человек. Джастин решил вопрос.

И все же отчаяние и депрессия не покидают. Приступами берут. Только музыкой и лечусь от этого. Жаль, что она не помогает мне вспомнить прошлое.

День пятый

Публика тут в общем-то хорошая, в «Данькином клубе». Ну то есть подраться может и любят, но без злобы как-то. Пьют пиво, обсуждают свои дела, сидя за столиками, в общем, расслабляются.

Познакомился с Худым Максом, Карачи, Понго-Понго и

Волчонком. Еще с кем-то, но их имена, если честно, не запомнил. Все они неплохие ребята. Хотя с виду и не скажешь.

А, да! Бармен говорит, что когда я играю, пива мало заказывают, больше слушают. Ну и что мне делать? Плохо играть?

День седьмой

Пиво стали покупать больше, а играть я стал лучше.

Свидетельство тому не только выручка в баре, но и факт того, что Джастин, которому всегда было наплевать на деньги, разрешил мне играть в прайм-тайм. Сегодня, сказал он мне, подменишь меня часиков в десять. Посмотрю, что ты из себя представляешь. И обещал дать свою гитару!

Еще сюда же

Да! Я их сделал! Порвал весь зал в тряпки. Полный зал, битком набитый народом, встал и аплодировал мне! Джастин лично вышел на сцену и хвалил меня.

А только что сказал мне, что теперь у меня новые условия. И если Бойко не примет их, то… дальше Джастин не стал продолжать, а пообещал лишь, что Бойко их примет.

День девятый

Пока еще тут ночую, в сторожке, через неделю освободится квартира и я туда въеду. С деньгами тоже вопрос почти решен.

Думаю, насчет пива надо тут написать — что-то странное происходит. Ну то есть я играю, люди слушают, потом я думаю, что они будут заказывать пиво — и они его заказывают, и при этом слушают мою музыку. Не знаю, как объяснить. Странно все это. Ладно. В общем, все пока хорошо складывается.

День одиннадцатый

Свет влияет на пиво. Или

День двенадцатый

Свет не влияет. Музыка. Я играю так, чтобы

День тринадцатый

Дальний угол клуба — идеальное место для концентрации звука. Так же освещение. Вот так:

Свет под косым углом через зеркало на два отражения. И аккорды по порядку, или

День четырнадцатый

Он заказал водку! Тот, что сидел в углу, я сделал так, чтобы

он заказал водку и он сделал это! Совпадение на четвертом ладу, баре

День пятнадцатый

Все по порядку:

Джастину не нравится, что я делаю. Точнее, ему не понравилось, что сказал Карачи. А Карачи сказал, что возможно, скоро я стану резидентом клуба. С этим согласились Волчонок и Понго-Понго. Вот это Джастину и не нравится. Но мне, по большому счету, плевать, что там нравится или не нравится Джастину.

Мне нравится Лия. Она часто приходит сюда с компанией Понго-Понго и Россомахи. Я всегда стараюсь сыграть для нее и очень хочу, чтобы хоть раз их компания выбрала дальний столик…

Да. Насчет дальнего столика. Там все работает. Нужный свет, нужное звучание. Я не знаю, как это получается. Они покупают водку, целуют друг друга, бьют морды, засыпают — тогда, когда хочу этого я.

Я еще кое-что проверю… короче, с залом это не всегда получается, а еще мне кажется, что это временный эффект, но надо кое-чт

День семнадцатый

Мне уже не страшно. И это — главное.

А теперь о мелочах. Джастин сказал, что больше я играть в прайм-тайм не буду. Только разогрев. Странный поступок. Я же знаю, что когда публика это поймет, она будет приходить раньше. Тем более, что Бойко на моей стороне — ведь когда играю я, выручка растет на глазах. Джастин всего лишь сотрясает воздух.

Лия красивая. Я написал ей записку, ничего особенного, несколько слов. Не знаю, прочитает ли она ее. В любом случае, сказать я ей ничего не смогу.

Если бы только она села за дальний столик…

День восемнадцатый

Джастин делает очень плохие поступки. Кажется, собирается меня подставить. Ну ничего. Я знаю, что делать. илия

Еще сюда

Одним ударом двух, или даже трех…

День девятнадцатый

ЕБАНАЯ ЛАМПА!!!!!!!!!

День двадцать первый

Бред. Полный бред.

Бойко считает, что я ограбил кассу и украл деньги.

Джастин любит Лию.

ЛИЯ ЛЮБИТ ДЖАСТИНА!!! И все из-за ЛАМПЫ!!!

Ладно. Она перегорела, лампочка. Там была Лия, в дальнем углу, и к ней подошел Джастин. Он должен был подойти, чтобы…

Неважно. Одна из лампочек перегорела, и хотя мелодия была той же самой, Джастин не дал Лие то, что должен был дать. Вместо этого он пригласил ее на танец. Потом они посмотрели друг другу в глаза.

Все, что я мог сделать — это перестать играть. И уйти. Но это не помогло.

А потом эти деньги из кассы, в общем… сегодня я проснулся в парке, на скамейке.

Почти как три недели назад. Почему почти?

Потому что теперь я знаю. И потому что теперь я уже ничего не боюсь.

Я вернусь к тебе, Джастин. С кассой — ты перегнул палку, но дело даже не в этом.

Еще сюда же

Жрать особенно сильно хочется рядом с палаткой-гриль. Но стерпел.

Денег, что собрал по карманам, хватило на гитару, больше похожую на балалайку.

Нужный свет нашел в переходе. Людное место, но не успел начать. Менты, документы, отделение… Я смотрел на них и думал, что даже если бы я мог говорить, это ничего бы не изменило.

В общем, рванул я от них. Пару аккордов взял, заставив их на несколько секунд в другую сторону посмотреть, и ушел с толпой.

Еще сюда же

Малолюдная улица. Трех- и пятиэтажные дома. Старые деревья, тень… нужный свет возле лотка с мороженым.

Можно, стану рядом и поиграю, прошу я продавщицу. Показываю на гитару, то есть, и на место рядом.

Она говорит, что я распугаю всех клиентов. Но я уже перебираю струны и она досадливо машет рукой, мол, играй. И даже дает мне коробку, которую я ставлю на асфальт.

Здесь, на этой улице, просто ходит очень мало людей. Но все они покупают мороженое и кидают в коробку мелочь или некрупные купюры.

Здесь я знакомлюсь с Шефом. И его помощником —

Эдвардом.

Эдвард, запись № —6 от —

— Шеф, послушайте, алло… да… да, сделал. Шеф, послушайте. Это стоит вашего внимания. В общем, начну издалека. Вы знаете, как я не люблю мороже… что? Да, да, я понимаю, но Шеф, это действительно… В общем, я два раза купил мороженое, при этом не понимая, что делаю. Что? Нет, Шеф, дело в гитаристе и его гитаре. Музыку он играет какую-то странную… Шеф, шеф! Алло! Шеф…

Эдвард, запись № —7 от —

— Алло, Шеф, это очень важно! Послушайте. Я наблюдаю за ним около часа… за гитаристом… потому что я два раза проходил мимо него и оба раза покупал… Шеф! Алло! Алло!

Эдвард, запись № —8 от —

— Шеф, я прошу вас, выслушайте! Тут что-то странное! Да! Я на Братском напротив «Кружки». Да, Шеф. Я отвечаю.

День двадцать второй

Когда Шеф понял, что дело не в инструменте — я сыграл ему польку на электрогитаре, купленной специально для этого теста — он захотел говорить со мной. Ну то есть он положил передо мной чистый лист, ручку — и попросил написать все, что я хочу.

У Шефа много возможностей. Гораздо больше, чем у Бойко и Джастина вместе взятых. Да, в общем-то, если взять всю ораву из «Данькиного клуба», она и десятой доли не сможет сделать того, что может Шеф.

Но главное, у Шефа есть клуб. Не такой, как «Данькин», а большой клуб, со звуком, светом, и так далее.

Я написал все, что хотел, Шеф изучил список, потом попросил написать, что я могу еще делать.

Если бы я знал.

День двадцать третий

Сегодня был в клубе Шефа. Элитный. Самый элитный. Он уже почти готов. Мебель завезли, теперь устанавливают. Ковры, цветы…

Походил, послушал всюду.

Начертил несколько схем, показал, какие стены придется ломать для идеального звука. Как лампы поставить.

Шеф сомневается. Сегодня у него ужин с одним из партнеров.

Шефу надо, чтобы тот подписал какой-то договор. Мы приехали в ресторан, в котором будет проходить встреча. У них там джазовый ансамбль. Походил, послушал звук.

— Сможешь сделать так, чтобы он подписал договор? — спросил Шеф.

Я показал, где им надо будет сидеть. Через четыре часа у них встреча. А я уже задним числом оформлен в ресторане в качестве музыканта. Надо подготовиться. Надеюсь, что у меня все получится и он подпишет договор.

Еще сюда же

Подписал. Шеф при мне приказал Эдуарду перестраивать клуб согласно моим замечаниям.

День двадцать пятый

У меня своя квартира. Машина. А еще у меня теперь есть имя. Оно не мое, конечно же. Своего я не помню. Но мне, в общем-то, наплевать.

Шеф и его окружение зовут меня Гитаристом. Я к этому привык.

Кстати, в записи моя музыка не действует. Только вживую. Я должен видеть того, или тех, кому играю. Но как это действует, я по-прежнему не знаю. Впрочем, разве это важно?

День двадцать девятый.

До открытия клуба — неделя. Строители работают в три сменты, прорабы спускают с них по три шкуры, и просят за свою работу втридорога. Шеф платит.

Все, что я знаю — что на открытии будет очень много важных персон. Ну тех… владельцев заводов, газет, пароходов.

Сегодня встречаюсь с Эдуардом, есть к нему небольшая просьба. Пустяк, Шефа даже не хочу беспокоить.

Домашние адреса Джастина и Лии.

День тридцатый

С утра помог Шефу. Был в его офисе, играл роль сумасшедшего сотрудника, который пришел на работу пьяным и с гитарой. Сыграл кое-что, потом меня «уволили».

Эдуард помог с адресами. Подозреваю, он доложил об этом Шефу, и тот дал добро.

Сначала к Джастину.

День тридцать первый

ОНИ ВМЕСТЕ!

День тридцать второй

Добрался до Джастина. Поймал его вечером. У фонаря рядом с подъездом. Он проходил мимо, а я сидел в кустах и он меня не видел. Я взял первый аккорд, потом второй… потом я просто не мог остановиться.

День тридцать третий

Джастина нашли. Он живой, но…

Это мне рассказал Эдуард. Я пожал плечами и больше он меня ни о чем не спрашивал. И Шеф тоже, хотя знал об этом, ничего не спросил.

День тридцать пятый

Приходила Лия, рассказала о Джастине… Все плохо и никто не знает, из-за чего. Думаю, она что-то подозревает. Глаза… ее глаза…

Я хотел сыграть ей сначала, но почему-то передумал. Дал ей приглашение на открытие клуба Шефа.

Лия задавала много вопросов и я впервые порадовался тому, что не могу говорить. Писал ей какую-то чушь на бумажках, а когда она не понимала, о чем речь, разводил руками, вздыхал…

Она ушла, но скоро мы увидимся.

Послезавтра.

День тридцать седьмой

Открытие клуба. Шеф рассказывает мне, что я должен делать. Я киваю, но не слушаю его. Мне бы только выйти на сцену. А с Шефом я уже решил, что делать.

Лии нет. Неужели она не придет? Впрочем, так или иначе, мне кажется, что это уже не важно. Я начну с ней, или без нее.

Мне пора. Конферансье уже объявил меня.

Можете пожелать мне удачи.

Эликсир бессмертия

Однажды Большой Манх украл у дьявола рецепт эликсира бессмертия. Шесть лет собирал ингредиенты, на седьмой сварил три с половиной литра, пожарил мяса, зелень, овощи, ну в общем, все как полагается. И сел вроде как пообедать.

Выпил, посидел, за жизнь вспомнил. Даже где-то всплакнул по мелочи. А когда в бутыли конкретно на донышке осталось, озадачился тем, что как-то все неправильно. Это ж все-таки не самогонка, а эликсир бессмертия. Один раз и навсегда. Надо бы и с ближними поделиться. Хотя бы дьяволу назло.

Из ближних у Манха были только ишаки и сосед. Делать ишаков бессмертными Манху показалось стремным западлом, поэтому решил угостить соседа. В конце концов, не будет соседа — останется Манх с ишаками, а нафиг такая жизнь кому нужна? Короче, позвал. Типа присаживайся, вот лаваш, а вот эликсир бессмертия. Хороший. Настоящий. Как раньше делали. Пей, кушай, за жизнь поговорим…

А сосед ему:

— Тю, гнида, ты че, бухал тут в одиночку, а когда нажрался, про меня вспомнил? Решил объедками покормить? Ты меня че, со своей свинятиной спутал? А ну, сюда иди, фуфломецин позорный…

Поговорили. Потом сосед ушел, а Большой Манх, трижды сплюнув ему вслед кровавой слюной, взял бутылку с остатками эликсира и пошел к ишакам. Идет и думает, *вот мол сейчас кому-то из ишаков повезет. Все стадо сдохнет от старости, а этот жить будет, и среди ишаков реально в почете будет. Надо будет только выбрать самого особенного…*

Пришел на поле, где стадо паслось, окинул ишаков быстрым взором. Потом медленным взором. Потом минут пять, потом десять… В общем, завис Большой Манх надолго, когда понял, что все ишаки одинаковые и выбрать не из кого. Потом понял что не бывает особенных ишаков — и развис.

А потом пошел домой, и по дороге допил остатки эликсира бессмертия. Ну а че, не дьяволу же его отдавать?

Ростовский кольщик

Может, слыхали, есть такая история про Ростовского Кольщика. Мол, еще в двадцатые-тридцатые годы был в Ростове старый кольщик Жора по прозвищу Шлеп-Шлеп. Жил Кольщик рядом с Нахаловкой, исполнял портачки для местной шпаны и людей поавторитетней. Как-то раз к нему пришел колдун с Танаиса, который попросил его о странной услуге — во время татуировок незаметно наколоть на семи людях семь разных символов. Колдун предложил много денег и Кольщик согласился. Шести разным людям, исполняя соборы, зверей и терновые кусты, Кольщик вытатуировал шесть символов. А когда остался один последний символ выколоть, Кольшик увидел сон.

Во сне Кольщик узнал, что случится с миром, если он выколет седьмой символ. И видимо, это было что-то ужасное, поскольку Жора решил не колоть седьмой символ. Тогда колдун в ярости проклял Кольщика страшным проклятием. После этого Кольщик сошел с ума и стал колоть совсем не то, что его просили. Например, вместо двух скрещенных ножей Жора исполнил виселицу с болтающимся человечком, а вместо оскаленной пасти тигра он наколол двух голубей на ветке. Поскольку тогда не было пластической хирургии, после второй запоротой татуировки Кольщика пришили. Ну убили и убили, вскоре уже и забывать про Кольщика стали.

А через полгода в Богатяновскую тюрьму по этапу прибыл странный сумасшедший, который пробыл в тюрьме несколько дней, и за это время успел сделать наколку одному из молодых приблатненных, под медвежатника косящего. Фраер попросил его голову медведя наколоть, а сумасшедший ему на всю спину медведя, насаженного на вилы, наколол — и исчез. Испарился, словно его и не было, и в документах никаких упоминаний. Фраерок этот понервничал, покипешевал, но портачка была так хорошо выполнена, что даже воры сказали — искусство, бля. В общем, успокоился фраерок, вроде как даже рисовался, а потом сберкассу брал и его сторож вилами проткнул. Тут-то и вспомнили, что сумасшедший тот на покойного Жору-Кольщика похож был.

Потом перед самой войной случай был, один мужик в Ростов из Новочеркасска ехал, ну на телеге, яблоки что ли вез, или мед. По пути взял бродягу подвезти. Накормил в дороге, напоил (ну и

сам немного пригубил, то ж святое в дороге), а бродяга ему говорит — скоро война будет, погибнуть можешь, хочешь, говорит, сделаю так, что не погибнешь. И вытатуировал ему на груди крест большой. Так тот мужик всю войну прошел, четыре ранения в грудь, и хоть-бы хны. С ногами, правда не повезло, мина — но тут уж Кольщик не причем, то судьба.

Когда война началась, про Кольщика не раз вспоминали. Тот, которому он виселицу вытатуировал, в полицаи пошел. Вместе с тем, другим, что с голубями. Первого партизаны изловили и повесили, гада. А второй до конца войны дожил, от расстрела отмазался, четвертной, на Колыму и там уже с голубями пророчество сбылось по мелочи.

Кольщик не только будущее колоть может. Его татуировки и другими свойствами обладать могут. Вот, в шестидесятые случай был, на Центральном рынке один из мясников рассказывал: сжалился над каким-то нищим, дал ему кусок мяса да хлеба, а нищий ему в ответ говорит, ты сильный, а хочешь еще сильнее стать? И вытатуировал ему какие-то полоски на руке. После этого мясник тушу мог одним ударом перерубить. Сын его, кстати, на Центральном сейчас работает. Тоже силач, но до отца далеко ему. Нищим мяса раздает каждый день, все Кольщика ждет, видать по стопам отца пойти хочет.

Одной дамочке из тех, что "ночная бабочка, ну кто же виноват", Кольщик выколол ее же лицо. Где, спросите вы? Ну… это… сзади, чуть ниже пояса. И так похоже выколол! Клиенты поначалу путались, куда говорить, а куда… в общем, дамочку эту какой-то арабский шейх к себе в гарем забрал, вроде бы сейчас она чуть ли не самая главная там, в этом гареме. Шейх с нее тащится, все капризы исполняет, любимая жена, одним словом.

Говорят, что Ростовский Кольщик может наколоть любой рисунок, какой его попросить, но в нем всегда будет что-то не так. То ли чего-то будет не хватать, то ли будет немного не так, как это представляет себе тот, кому колят. И еще говорят, что если человек хороший, то татуировка Кольщика изменит его жизнь в лучшую сторону, а если плохой — вон, с полицаями что было. Или с тем насильником, которого в одиночке заперли, утром пришли, а он мертвый, и на шее веревка наколота с петлей затянутой.

Или еще история, чуть ли не из первых уст. Был такой вор

фартовый, Врежик, крал честно, без мокрухи, накрывал хаты коммерсов, брал чисто деньги и драгоценности. Жил по справедливости, на общее отдавал, сиротам помогал, работяг не трогал, а кое-кому даже помогал по блатной линии. Один раз менты крепко насели на него, обложили со всех сторон так, что некуда податься. Подстрелили, Врежик уже помирает, на Нахаловке в подвале прячась от облавы, уже собачий лай слышит, и тут Кольщик откуда не возьмись. Говорит, сделаю тебе портачку, и жить останешься, и в тюрьму не сядешь. Только поклянись, что воровать не будешь больше. А Врежик ему говорит, вали отсюда, Кольщик, вор был, вором и подохну, другой жизни нет у меня. Тогда Кольщик говорит, ладно, будет тебе другая портачка. И сделал Врежику такую портачку, что теперь все мусорские пули мимо него идут, а любой замок в два счета открывается. Менты Врежика взяли, в больничку отвезли, там лепилы на ноги поставили, только было на суд — а Врежик ноги в руки и ходу. Теперь удачней Врежика вряд ли во всем мире вор найдется. Вот такая тема.

Или вот такая история, не знаю, правда или нет: Одному мальчику, который хорошо учился, хорошо кушал и слушал бабушку, Кольщик вытатуировал на плече собаку, которая могла громко лаять и разговаривать с хозяином. И кусаться она могла. И играться она могла. И писить она тоже могла. Вот так. Она все могла, заткнись и ешь, гаденыш… мда… вот…

В общем, к чему я про эту старую историю вспомнил. Вчера Лева Зильберштейн рассказал, что брату одной его приятельницы посчастливилось встретить Ростовского Кольщика и тот вытатуировал ему часы, которые работают. На левой руке, электронные, время показывают московское, правда с отставанием на одну минуту. И вроде бы это что-то означает, что-то связанное с квантовой механикой и некоторыми теориями Шредингера. Это Лева мне объяснять начал, после того, как я сказал, что татуировка в виде плохо работающих часов — это прикольно, но тупо. Я сказал Леве, что из всех шредингеров он самый нудный и спросил конкретно, знает ли он, как встретить Ростовского Кольщика.

Лева не знал. Лева знал только, что Ростовский Кольщик не любит армян и антисемитов, а если бы ему встретился Кольщик, Лева вытатуировал бы себе точку. Просто точку.

— В своих рисунках Кольщик схлопывает несколько измерений, в том числе и те, которые созданы смысловыми

значениями этих рисунков. Ну порожденные нашим воображением, понимаешь? Допускаю даже, что пространственно-временной континуум может при этом искажаться настолько, чтобы реальность была зависима от рисунков. Но как, черт побери, это сработает с точкой? Вот ты что думаешь?

Я пожал плечами и подумал, что если бы я встретил Кольщика, то попросил бы наколоть тот седьмой символ. Уж очень интересно, че будет.

Бачан и очко

На день рождения моего друга Бачана полуадмины подарили имениннику тестовое очко. Круглое, синего цвета, размером с теннисный шарик очко действия. Бросаешь его в бою на землю — и до конца боя очки действия каждый ход плюс один. И так, разумеется, в каждом бою.

Не, друзья, вы, наверное, не поняли. Надеюсь, все знают, что такое арифметическая прогрессия? Кто не знает, расскажу на примере моего друга Бачана и его тестового очка. В первый ход у него было шесть ОД, на второй ход семь, на третий восемь, и так далее. Теперь поняли?

Да, подарок был реально нереальным. Бачан сразу же протестировал его на черепанах, а потом в одиночку прошел первый данж и около двух дней слушал уважительные реплики и восхищенные возгласы всех своих друзей.

После такого подарка жизнь Бачана круто изменилась. Круто — это как в прямом, так и в переносном смысле. Турниры, арены, походы — везде Бачан был чемпионом, победителем, героем, и прочая, прочая, прочая…

Головорезы правого берега, стальные вши второго данжа… вскоре Бачан сотворил новый подвиг — в одиночку уделал сталка с его аликами и альками. К этому времени уже весь Плот полностью и безоговорочно признал в Бачане лучшего бойца всех времен и народов. Ну а после победы над фантасмагориями Гнилой Шахты моего друга Бачана, чтобы не париться в хвалебных эпитетах, стали называть просто и коротко — полубог.

Тут бы Бачану остановиться, но вы же знаете, что он не из тех, кто бросает игру после первого же удачного ва-банка. Раз можно стать полубогом, решил Бачан, значит, можно переть и дальше.

И Бачан попер. Напролом попер.

Он вышел на бой сначала один против троих, потом против пятерых, потом стал вызывать соперников дюжинами. В конце концов Бачан вызвал на арену против себя всех жителей Плота — и снова победил.

После этого Бачан сказал, что достоин носить звание демиурга этого мира и все, кто против, могут сказать это ему во время поединка.

В тот день, когда моего друга Бачана должны были официально провозгласить богом Фашара, погода стояла пасмурная. Дождь шел с самого утра, поэтому церемонию инаугурации решили перенести с площади в недавно построенную ратушу.

Церемония была назначена на три, но уже к двум, несмотря на отвратительную погоду, к ратуше стал стекаться народ. Барыги, шахтеры, бойцы, полуадмины, нищеброды — всем хотелось увидеть, как их друг станет самым-самым, просто выше некуда.

В половину третьего ратуша была забита до отказа и полуадмины стали срочно перестраивать ратушу, пытаясь раздвинуть ее стены. Толпа волновалась, все, в общем-то ждали Бачана.

Бачан сидел в своем кабинете, в полном одиночестве, и с задумчивым видом катал по столу свое очко. С одной стороны, он готов был стать богом, но с другой — ему было немного страшно.

Надо быть другом Бачана, чтобы понимать, чего он боялся. Ведь пока ты не бог, тебе всегда есть к чему стремиться. Работа там, или любовь, или материальные блага — цель, ради которой что-то делаешь, всегда можно найти.

А как только станешь богом, то… что дальше? Всё?

В тот момент, когда он это подумал, скрипнула дверь и в кабинет кто-то вошел.

Бачан повернулся и удивленно посмотрел на гостя. Удивленно — потому что дверь он лично закрыл на ключ, оставив его в скважине. Ключ и сейчас торчал в замке, но дверь была открыта.

На пороге стоял обычный человек в шлеме воина странного дизайна — его шлем больше напоминал кастрюлю, в которой Мамаша Ро варит борщ.

— Ты кто такой? — спросил Бачан.

— Я #####. — невнятно ответил незнакомец. — А вот ты кто такой?

Бачан, которому не задавали подобного вопроса с третьего дня после того, как он прибыл на Плот, хмыкнул. Потом посмотрел на часы и ответил:

— Я Бачан. Через двадцать две минуты я стану богом.

— Отлично. — кивнул #####. — Значит, мы успеем.

— Успеем что? — не понял Бачан.

— Сразиться. Быстрее, идиот, я с мобилы.

Бачан не совсем понял, о чем говорит #####, но отчетливо разобрал первые три слова, и этого было достаточно. Резким движением схватив очко со стола, Бачан швырнул его на пол и сразу же обнажил именное оружие.

Ничто не предвещало беды для Бачана, но…

Первым же ходом ##### сунул руку в карман и бросил на пол точно такой же шарик, как был у Бачана.

Такой же, да не такой. Этот шарик переливался сразу несколькими цветами — синим, зеленым, красным, сиреневым, и даже шоколадно-коричневым.

Что означают эти цвета, Бачан понял, когда попытался уничтожить ##### своей знаменитой «троечкой Бачана с отходом». Оказывается, синий добавлял ##### очко действия, зеленый — очко передвижения, а красный — очко здоровья. Каждый ход по одному, согласно простейшей арифметической прогрессии.

У Бачана не было ни единого шанса.

Когда побежденный Бачан рухнул на свое очко, ##### присел рядом с ним на корточки, подобрал разноцветный шарик и сказал:

— У тебя еще семнадцать минут. Перед тем, как пойдешь туда, подумай насчет своего будущего.

— Что это за дерьмо? — прохрипел мой друг Бачан, глядя на

разноцветный шарик.

— Это? — ##### подбросил шарик на ладони, потом крепко сжал. — Это админское очко, друг мой. Подарок транспортников мне на день рождения. Счастливо оставаться, Бачан.

И ##### вышел из кабинета.

Через семнадцать минут мой друг Бачан, конечно же, рассказал нам всем правду. Наверное, он расчитывал, что кто-то из нас объяснит ему, что это за хмырь заходил в гримерку — но никто из нас раньше никогда ничего подобного не слышал. Более того, никто из нас не видел, чтобы кто-то входил, или выходил из кабинета Бачана.

Брат Бачана только вспомнил, что без пятнадцати три полуадмины вдруг на пол все упали, повалялись немного, а потом куда-то убежали.

— Думал, пьяные они, чи шо…

Так или иначе, но со всеобщего одобрения Бачан отказался от инаугурации, а чуть позже попросил, чтобы его не называли полубогом. Просто Бачан, ну или Бачан Плюс Один.

Я, кстати, считаю, что он правильно поступил. Ну стал бы он богом, и что? Бог Бачан — разве это звучит? То ли дело — мой друг Бачан. Ну или наш друг Бачан, так оно даже вернее будет.

PS: А у Мамаши Ро кстати, оказывается в тот день кастрюлю кто-то украл, в которой она борщ варила. Необъяснимо, но факт.

Спасибо, гражданин начальник

Здравствуйте, гражданин начальник. Спасибо, присяду. Говорят, гражданин начальник, те, кто к вам на допрос попадают, для них он последним становится. Сигареткой угостите, не побрезгуете? Не курите? А вы велите принести, ваш помощник, кажется… аах… сука… ну зачем же сразу по почкам? Тьфу… извините, я вам пол испачкал… А нечего рассказывать, гражданин начальник. Я вашим дознавалам еще до алой розы все рассказал, как на духу. Не знал я ни про каких террористов… аааах… аааах… а носочки… у ботиночек неужто кованные, гражда… аааах… я все понял, понял, не бейте… Хорошо, хорошо, расскажу. Только… сигареткой угостите все-таки. Допрос-то последний у меня, верно?

Спасибо, гражданин начальник. Итак, с самого начала. Нас было четверо. На Плот мы прибыли на прошлой неделе. На «Янки Дудле». Прибыли официально, ну да вы уже наверняка проверили приписные листы в порту. В команде нас было четверо. Я был бортмехаником, в капитанах у нас ходил Санчес Собачье Сердце. Еще был Чакки Раппопорт. Здесь, на Плоту, его многие знали как Чакки Радиста. И самка рымру, смышленая для того, чтобы управлять стареньким «Янки Дудлем», но видимо недостаточно, раз она в Большом Каньоне, а я еще здесь. Кажется, ее звали Анэли, хотя я могу путать. Я не общался с ней, она вообще ни с кем не общалась, кроме Санчеса. Он иногда… гражданин начальник, вы не поможете мне сесть на стул? А то на полу как-то…

Спасибо, гражданин начальник. Так гораздо удобнее. Про Анэли: иногда Санчес трахал ее во время долгих одиноких дежурств на капитанском мостике. Это все, что я знаю… знал про нее. Чем мы занимались? Ну… скажем так, нелицензированной археологией. Да, некоторые действительно называют нас черными, но мы предпочитаем называться нелицензированными. На Плоту мы собирались искать артефакты царя Соломона, а точнее, царицы Савской. Был один такой царь у рымру, он подарил царице несколько… да, да, я понял, гражданин начальник. В общем, мы должны были встретиться с каким-то знакомым Анэли, который даст нам примерные координаты поисков. Встреча должна была состояться в Большом Каньоне, но вместо проводника на встречу пришли вы. И начали стрелять.

Хм… спасибо, гражданин начальник, прояснили ситуацию. Значит, все, и Санчес, и Анэли, и Чакки, были убиты не вашими людьми? И я был ранен тоже не ими? То есть вы хотите сказать, что в Каньоне сначала на нас напал тот, с кем мы должны были встретиться, а лишь потом ваши люди? И этот кто-то должен убить вас? Да поймите, я не знаю, с кем мы должны были встретиться. Кажется, это был какой-то кошкомаг, Санчес вроде бы так говорил… у нас в команде не задавали вопросы, а исполняли приказы капита… аах! За что, гражданин начальник? Аах! Аах! Тьфу… кажется, вы об мои зубы руку поранили… извиняюсь… тьфу…

Благодарствую, гражданин начальник. А привычки, смотрю, у вас не изменились. Сначала в зубы, а затем платочек утереться. Что? Встречались, гражданин начальник, встречались. Но для начала позвольте вам историю одну рассказать. Про артефакт царицы Савской, прозванный Алмазом Неотвратимой Мести. Не слышали про такой? Семьдесят четыре карата, его даже можно найти в некоторых каталогах. Алмаз в числе многих других подарков царице подарил царь Соломон, а ему такие непростые камушки рабы доставали с самых черных глубин его копей. Камень менял судьбу, он мог привести владельца к своему злейшему врагу, чтобы дать возможность убить его. Царице, видимо, некого было убивать, раз она ни разу не использовала этот камушек. А вот мне было кого убивать, и у меня получилось его использовать. Сидеть, сука! Сидеть!

Спасибо, что прислушались к моей просьбе, гражданин начальник. Я пока дверь вашу закрою на замочек… хорошая у вас дверь, крепкая. Ваш замок действительно неприступная крепость… Откуда у меня ваш резак, который всегда лежит в нижнем ящике вашего стола? И в самом деле, откуда? Можно свалить все на Алмаз Неотвратимой Мести, хотя на самом деле ваш заместитель оказался славным малым, понимающим, что большие бриллианты с любыми названиями стоят много денег. Да и свято место пусто не бывает. Место в данном случае ваше, гражданин начальник. Что? Я не выйду отсюда живым? Ну… в легенде об Алмазе не говорилось о том, что мститель должен выжить. Камень лишь должен изменить судьбу так, чтобы мститель нашел свою жертву. Поэтому неделю назад ваш заместитель передал вам доклад о террористке, прибывшей сюда по вашу душу, а мне перед допросом дал ваш нож. Да, ваш помощник предатель. Хотя себя он считает практичным рымру, не более. Нет, гражданин начальник, мою команду убил не ваш

помощник, а я. Вынужден был это сделать, поскольку они многое знали о моем прошлом. Согласен, это был плохой поступок, но я никогда и не претендовал на роль доброго героя. Как я смог выдержать пытки дознавал? Ненависть. Ненависть к тебе позволила мне вытерпеть даже алую розу. Представляешь, мразь, настолько сильно я хотел добраться до твоего горла?

Спасибо за лестное предложение, гражданин начальник, но вынужден отказаться. Нет, мы никак не договоримся. Да, гражданин начальник, и вот теперь мы подошли к самому главному, почему я здесь. Скажите, у вас есть какие-то воспоминания, связанные с Большим Каньоном, кроме тех, что произошли на прошлой неделе? Двадцать три года назад, вспоминаете? Там жила семья людей. Мужчина, женщина и мальчик. Хотя… наверное, про мальчика вы и не знаете. Он сидел под полом, когда вы допрашивали его родителей. Кажется, ваши допросы уже тогда назывались последними? Но тогда вы еще не прятались за стенами своего замка, и крови чужой на вас поменьше было. Что вы еще хотите узнать, гражданин начальник? Почему я не убил вас сразу? Так ведь поговорить хотелось. Дознаватели у вас молчаливые, а мне с ними еще, видимо, не раз предстоит свидеться перед казнью. Ладно, впрочем, вы правы, заболтался я с вами.

Прощайте, гражданин начальник.

Аналитики

Птица-пила была прямым потомком Первой Рыбы и унаследовала от нее не только некоторые детали внешности, но и частицы характера — как-то упорство, трудолюбие и смекалку.

Птица-пила уже многие годы упорно и трудолюбиво пилила сук, на котором сидела. До остального мира ей не было совершенно никакого дела. Она жила в звукоизоляционной клетке, клетка стояла в классе, класс находился в школе, а школы, как известно, есть везде.

Наставник Коуч с самого начала урока сидел за своим столом, не вставая, и что-то быстро писал ручкой в блокноте. Первые минут десять все затаились, потом осмелели, к пятнадцатой уже стали осторожно перешептываться и передавать записки.

Тексты в записках были тревожными. Грядут репрессии, а перед выпускными никто не хотел себе неприятностей. Мало ли, откатят назад, или вообще к ЕГЭ не допустят. Коуч это вполне может устроить, а кому охота заново этот бесконечно долгий и порядком поднадоевший школьный курс отучиваться.

Уже ясно было, что наставник Коуч пишет вопросы, которыми, утопит кого-то из класса. Но вот кого, как, что за вопросы… Шпоры-то у всех всегда есть, но чтобы найти нужную, надо знать, что искать.

На задней парте лучшие аналитики класса, Тихон и Бородавка обсуждали сложившуюся ситуацию. Общего мнения пока не было, и весь класс ждал их вердикта.

— В шляпе пришел, значит с женой вчера поругался. — шептал Тихон. — Повесил справа левой рукой, значит, тему урока готовил одну, но передумал по дороге, и пока шел, новую не выбрал. Выбирал тему здесь уже. Поднимает голову раз в тридцать-сорок секунд, значит будет по истории топить и сейчас вопросы пишет, связанные с датами.

— Ну с женой-то понятно. — прошептал в ответ Бородавка, не сводя с наставника взгляда. — А вот то, что это не история, это однозначно. Перед историей он часто на доску смотрит, а тут всего один раз посмотрел, а уже семнадцать минут прошло. Либо философия, либо какой-нибудь из иностранных языков.

— Из иностранных разве что итальянский. — предположил Тихон. — Галстук, видел, ослабил, но снимать не стал. Итальянский, либо латынь.

— Не, все-таки философия. На карандаши посмотри. Он их всегда в сторону двигает, потому что на философии руками

машет.

— Тогда почему нет газет? — спросил Тихон.

— Ну так не успел купить. — пояснил Бородавка. — Он же пока сюда пришел, еще не решил, какой предмет будет. Эх… блин, заглянуть бы хоть одним глазком, на одну секунду, что он там пишет…

— Одного слова бы хватило…

— Одного нет, но двух бы…

— Ладно, не отвлекаемся. Не философия, точно. — сказал Тихон. — Карандаши он и на астронавтике в сторону двигает, когда движение планет изображает. А вот ты лучше скажи, ты обратил внимание, что он уже два раза ухо потер?

— Угу. — кивнул Бородавка. — Видел. Топить будет серьезно, откат минимум года на два, и жертву уже наметил.

— Может, стоит лучше определить, кого?

Бородавка на мгновение задумался.

— Нас топить будет.

— Нас? — с удивлением уставился на него Тихон. — Меня и тебя?

— Да нет! Нас, пацанов. — пояснил Бородавка. — Он когда девчонку топить собирается, то первый вопрос пацану, а потом уже жертве. А если жертва пацан, то наоборот. Первый вопрос он будет Машке задавать, видишь, левую руку как поставил? Кстати, Машке он точно первый вопрос по философии задаст. Она пока тарахтеть будет, он сконцентрируется для удара.

— Машку наставник спросит, если мусульман топить будет. — прошептал Тихон. — Машка же христианка.

— Она, между прочим, уже девять лет как тайно буддизм исповедует. — сообщил Бородавка и довольно подмигнул. — Не удивляйся, сам недавно узнал. Сведения верняк.

— Значит, христиан тоже…

— Не. — покачал головой Бородавка. — Сегодня по религиозному признаку Коуч вообще не выбирал. Не забывай, он с женой поругался, а воды в графине нет, и в классе ни одной статуи. Говорю тебе, он выбрал жертву по половому признаку из-за ссоры с женой. Типа соревнование двух самцов. Ему нужна победа, а для победы всегда нужна жертва. И эта жертва из нашего ряда. Вон, лучше, на его часы посмотри.

Тихон осторожно чуть подвинулся к Бородавке и с его места высунулся вперед, посмотрев на песочные часы.

Они были смещены вправо, то есть в сторону ряда, где сидели Тихон и Бородавка. И песок с верхнего отделения давно весь ссыпался вниз.

— Машку кстати уже спрашивать не будет, времени нет. —

прошептал Бородавка, теснясь. — Сразу утопит.

— Мда… — Тихон уселся на место. — Опасно. Давай-ка дальше тему прорабатывать. Думаем, Борода, думаем.

Некоторое время они сидели молча. Тихон поджав виски, а Бородавка, по обыкновению, прикрыв глаза.

Потом Бородавка очнулся.

— Смотри! — прошептал он. — Сегодня четверг, значит Коуч топить будет задние парты. А здесь, получается, только мы и Зильберштейн с Мозиком. Мозика на прошлом занятии тормознули, а чтобы Зильберштейна утопить, ему надо было две минуты назад вопрос задавать. Короче, тут только мы с тобой остаемся…

— Да я понял уже! — прошипел Тихон. — Думай, что за тема! Пиджак в клетку, и он его расстегнул. Значит синий в стирке, значит вчера они с женой куда-то ходили вместе, вечеринка, или что-то такое… после этого поругались… врубаешься?

— С кем они могли встречаться? — Бородавка на мгновение закрыл глаза. — Вчера была среда, среда… у жены наставника Петерса из Южного сектора вчера был какой-то благотворительный ужин.

— Коуч мог там видеться с Бауманом?

— Конечно.

— Все! — кивнул Тихон. — Если он виделся с Бауманом, то это объясняет и ссору с женой, и нерешительность, и сегодняшнюю тему.

— Мировое правительство? — догадался Бородавка.

— Да, но есть еще один вариант. Бауман в последнее время интересовался историей возникновения Альфа-Фашара.

— Квантовая механика? Или… ты имеешь ввиду виртуальное пространство?

— А что? Как вариант? И волосы у него без пробора сегодня. Помнишь, как Митю на сталке завалили с откатом на десятку? Точно так же все было. И Машку спрашивать не будет, сразу топить будет.

Бородавка высунулся из-за парты так, чтобы увидеть ноги наставника, затем сел на место.

— Точно, к виртуалке вопросы пишет. Туфли черные, носки тоже черные, значит мморпг. Это «Мейджик. ру», тут к бабке не ходи. У Коуча внучатый племянник там магом рубится. Бачан, кажется…. Слышь, Тихон, звонок через минуту. Не успеем уже… Кто-то из нас двоих сегодня того…

Тихон и Бородавка замерли. Замер весь класс, в ожидании быстрой и скорой расправы. Вопросы, которые писал наставник…

это мог быть всего лишь один вопрос, но ценой в несколько лет.

Нервы были напряжены до предела.

Однако последняя минута урока, тянущаяся вечность, прошла без изменений. Наставник продолжал что-то писать в блокноте, а когда прозвенел звонок, посмотрел на наручные часы и поднялся.

— Все свободны. — громко произнес наставник Коуч и первым покинул аудиторию. Не забыв забрать с собой блокнот и шляпу, разумеется.

Тихон и Бородавка одновременно бросились к столу преподавателя. Вооружившись портативным атомным микроскопом и двумя лазерными чип-проекторами, им удалось воссоздать все, что было написано в унесенном блокноте.

Впрочем, все — это громко сказано. Несколько строчек были тщательно зачеркнуты, и разобрать эти каракули не представлялось возможным. Сохранилась лишь последняя строчка, видимо, написанная на новом листе. Всего лишь одно предложение. И это был не вопрос.

«Дорогая, прости, что я вчера напился с Бауманом и вел себя как скот».

Аналитики задумчиво переглянулись.

— Знаешь… — задумчиво произнес Тихон. — А ведь это еще цветочки. Это ведь обычный урок. А что будет на ЕГЭ? С такой нервотрепкой опять не сдадим.

— И опять сто двадцать четыре года тупить. — вздохнул Бородавка. — Бля, мы так никогда не повзрослеем…

Вместе с одноклассниками ребята покинули аудиторию, а птица-пила в своей звуконепроницаемой клетке продолжала упорно и трудолюбиво пилить сук, на котором сидела.

До остального мира ей по-прежнему не было совершенно никакого дела.

рассада

— Это мама, это папа, это Женька …

Палец Макарки, соседского пацаненка семи лет, поочередно тыкал в диковинные растения, украшавшие альпийскую горку. При этом Макарка часто смотрел на меня, видимо, пытаясь обнаружить на моем лице хоть какую-то заинтересованность. Но мне было лень поддерживать его игру, я пил пиво, наслаждался теплым солнечным днем и думал о том, что сейчас не хватает только одного — рыбы.

Вкусный жирный рыбчик или шемайка всегда очень в тему под такую погоду и настроение.

— Это дедушка Ваня, видишь? — палец показал на какую-то сухую ветку, похожую на камыш. — А это Рекс, и рядом Мурзя.

Альпийскую горку построил здесь мой сосед и по совместительству отец Макарки. Ну то есть не он сам, для этого нанимался садовник. Макаркин отец, правда, говорит, что не садовник, а ландшафтный дизайнер, но это все ерунда. Садовник — он и есть садовник, как ты его не называй.

— Это вот например тетя Полина из Самары. А это ее муж, дядя Егор…

— А ты где? — спросил я из вежливости, впрочем, уже догадываясь об ответе.

— Вот я! — палец горделиво ткнулся в молодое деревце почти на самой вершине горки.

— Ух ты какой молодец. — пробормотал я и полез за сигаретами.

Макарка еще пару раз обошел вокруг клумбы, потом куда-то убежал и вскоре вернулся с полуторалитровой бутылкой воды. Пока я курил, он аккуратно полил каждое из растений и с довольным видом уселся на скамейку напротив.

— А я где? — спросил я.

— А ты… ты же не из нашей семьи…

— Но я же ваш сосед. — сказал я. — Значит, где-то должен быть…

Макарка на мгновение задумался. Потом подбежал к клумбе и ткнул пальцем в один из камней, ограждавших клумбу.

— Вот! Это ты!

Камень был размером с мою голову, один из самых больших на этой грядке.

Я удовлетворенно кивнул, сделал большой глоток пива и прикрыл глаза.

— Если кто-то заболеет, то и цветок у него заболеет. —

продолжал Макарка. — Поэтому надо каждый день заботиться о цветках и тогда все будут здоровы… надо поливать их, вскапывать землю и вырывать сорняки… а если что-то случится с цветами, то тогда мы умрем, а вместо нас…

Кажется, я задремал, но ненадолго. Меня разбудили детские крики. Я открыл глаза и увидел следующую картину:

Макарка катался по земле, схватившись за ногу, и кричал, словно его резали. Я кинулся к нему, из дома выбежал отец Макарки.

— Что случилось? — крикнул он, подбегая.

— Не знаю. — ответил я, разводя руками.

— Ветка, ветка! — орал Макарка. — Больно, нога!

Отец подхватил его на руки и потащил к машине.

Я посмотрел на клумбу и увидел сломанную ветку у деревца на вершине горки. Ветка некрасиво болталась на куске коры.

Перед тем, как пойти домой, я осторожно приладил ветку обратно, примотав тряпицей. Ну вроде как шину наложил.

Вечером, общаясь с отцом Макарки, я узнал что никаких переломов у мальчика не было, и доктор выразил уверенное мнение, что мальчик симулировал. Тем более, что когда они приехали в больницу, Макарка уже успокоился и не кричал.

На следующий день, катаясь на скейте по двору, двенадцатилетный Женька, брат Макарки, споткнулся и упал на клумбу, вырвав с корнем два цветка.

— Женька убил Рекса и Мурзю! — печально сказал Макарка, рассказывая об этом происшествии. — Они умрут скоро. Родители мне не верят.

Я посмотрел на задний двор, где ничего не подозревавшая о своей печальной участи псина гонялась за воробьями.

— Знаешь, что? — предложил я. — А ты назови другие какие-нибудь цветки Рексом и Мурзей. Там же еще много разных цветов…

— Не, дядя Садовник, который эту клумбу сажал, сказал, что другие нельзя. — грустно вздохнул Макарка и ушел.

Вечером этого же дня нашли сначала кошку, потом собаку. Подозрения пали на Макарку, за два часа до их обнаружения заявившего, что в этом виноват Женька.

— Ты их отравил? Отвечай, что ты им дал?! — кричал его отец так, что даже на улице было слышно.

Мать причитала, грозный голос деда Вани требовал дать мальчишке ремня.

Я не знаю, что им Макарка наговорил, но вскоре взбешенный отец выбежал на улицу, осмотрелся, схватил канистру и кинулся к клумбе.

Когда я подошел к нему, он, щедро поливая клумбу бензином, сказал, что в комнате у Макара нашли кулек с крысиным ядом.

— Это он, чтобы мы поверили. — пояснил отец Макара. — А если не поверим, то дальше что? Нас с матерью убивать будет? Или брата с дедом?

Я услужливо подал ему зажигалку и попросил только об одном одолжении.

— Хочу рыбцов свежих купить да посолить, на гнет можно камушек один позаимствовать?

Я выбрал самый большой камень и оттащил его к себе домой. Положил на стол, затем подошел к окну.

Клумба уже пылала. Пламя в центре было ярко-желтым, а по краям фиолетовым. В отблесках пламени по земле катался отец Макара. Он корчился и открывал рот — наверное, кричал, но мой стеклопакет не пропускал звуки.

Я невольно залюбовался этим зрелищем, потом все же опомнился.

Задернул шторы, вернулся к столу. Визитки «ландшафтного дизайнера», рассада судьбы с Сириуса-15, несколько масок-перевоплотов, а, вот, телефон!

— Алло, это Садовник. Нет, нет, все в порядке, дом освободился, можешь занимать, все как обычно. Я по другому вопросу звоню. Слушай, у тебя есть кто-нибудь на Нахичеванском рынке, кто рыбу хорошую продает? Рыбчиков засолить хочу…

Мебельщик

Дядька мой работает директором мебельного магазина (ну знаете, всякие кресла офисные, шкафы, компьютерные столы). Он мне эту историю и рассказал, про странного чувака, которого его сотрудники прозвали Мебельщиком. Сам-то дядька в Мебельщика не верит, но, как говорится, все факты изложены ровно и с его слов записаны.

В общем, началось все с того, что примерно полгода назад в магазин зашел мужик лет сорока, неряшливо и бедно одетый. Магаз у дядьки демократичный, в смысле гламурной публики немного, но и на фоне обычных посетителей мужик выделялся своей, так сказать, непритязательностью в одежде.

Людей в тот день в магазине было много, так что дядька вместе с продавцами в зале тусил, рассказывал, в чем смысл удобных кресел. И мужика этого он, говорит, сразу заприметил. Мол, взгляд у него был немного бесноватый.

Ну приметил и приметил, не выгонять же посетителя. Тем более, что там клиент был какой-то из мажоров, покупал кресло директорское, одно из самых дорогих, и дядька этому мажору лично показывал навороты, в общем оказывал вип-внимание.

Мужик этот странный по залу ходит, мебель рассматривает, словно ищет что-то. Дядька, значит, мажору про прелести удобства зачесывает мажору, и тот вроде уже готов кресло купить, в карман за портмоне и к кассе, но тут мужик его за руку хватает.

— Стой, — говорит. — Не бери это кресло. Вот это возьми!

И показывает на какое-то беспонтовое, в два раза дешевле и неказистее, да еще и с икуственной кожей.

— Ты че, мужик? — мажор руку вырывает. — Отвали!

— Не бери то кресло. Возьми это.

Ситуация, сами понимаете — и дядьке облом, и мажору западло. Ну совсем не в тему мужик влез.

— Почему? — мажор спрашивает. — Почему это, а не то?

— Этому рано. — говорит мужик. — А на этом три дня кряду на золоте зашортишься, плечо к трем, потом на сутки на балкон, и опять.

За дословность дядька, говорит, не ручается, потому как не понял ничего, но примерно такие странные непонятные слова мужик сказал и бочком так в сторону.

Тут молодая жена или девушка мажора подходит, на указанное кресло садится, и говорит:

— А оно удобное. Давай, может, правда, его купим. И дешевле…

Я честно скажу, будь я на месте дядьки, я бы этого мужика пинками из магазина выгнал за такую подставу. Вот поэтому я и не на месте дядьки, который вежливо так улыбнулся, все в шутку свел, и уболтал мажора оба кресла купить. Красиво, да?

Через неделю в магазин мажор залетает, дядьку находит, и спрашивает:

— Слышь, меня помнишь?

— Помню. — говорит дядька. Настороженно, ибо чего ожидать, не знает.

— А мужика того помнишь? Ну что мне дешевое кресло посоветовал.

— Тоже помню. — кивает дядька.

— Он тут бывает?

— Больше ни разу не видел. А что?

— Слушай, чувак, я тебе вот это оставлю, если тот мужик вдруг появится, передай от меня. А не появится, сам бухни.

И на стол пузырь коньяка ставит.

Ну дядьке интересно стало, хотя и дел по горло, но пару наводящих вопросов задал и вот что выяснилось: мажор это трейдер. Ну это те, которые нихера не делают, только воздух на биржах гоняют и каким-то образом кучу денег зарабатывают. И последние несколько месяцев у этого трейдера не очень все хорошо складывалось. А тут кресло купил, и действительно на золоте зашортился (ну или как там в их слэнге дурацком), короче, всю неделю денег наживал.

— Я не знаю, в кресле причина, или в чем еще, но магарыч с меня по-любому.

Дядька все это выслушал, но к ним в тот день какая-то проверка пришла, так что не до рассказов было. Ну оставил клиент коньяк, и оставил — дядька его потом то ли налоговику знакомому, то ли пожарнику презентовал (не в виде взятки, а чисто в знак уважения, если что).

Месяц прошел, прежде чем мужик снова появился. На этот раз когда в магазин фура пришла, и все взмыленные с утра бегали.

Стал себе неподалеку, стоит, смотрит внимательно, как мебель выгружают, но не подходит. Дядька его увидел, грузчика одного позвал, и говорит:

— Бегом в продуктовый, купи коньяка бутылку хорошего и сюда. Бегом!

Грузчик за бутылкой сквозанул, а из фуры в это время кресло вытаскивали. Не офисное, а такое, типа домашнего, со всякими фильдеперсами. Мужик, значит, встрепенулся, к креслу подбежал, кричит:

— Стой!

Грузчики на измене остановились, а мужик говорит:

— Это кресло тому дай, у кого ноги болят.

Повернулся и ушел. Грузчик с коньяком прибежал, а того уже и след простыл.

Кресло дорогое было, его никто не покупал полгода, оно в магазине долго стояло. Кто на нем только не сидел, даже один чувак в гипсе был, да только без толку все. Ну и в общем, отправили это кресло на склад «до востребования», ибо место в магазине ограничено. Снова дядька про всю эту историю забыл, пока сторож со склада через пару месяцев не подъехал к магазину на БМВ и не сообщил дядьке, что:

— Во-первых, я от вас увольняюсь, во-вторых, на складе недостача в одно кресло, готов погасить в двухкратном размере, в третьих, склада у тебя больше нет, я его выкупил и буду строить на его месте ортопедическую клинику, так что у тебя неделя, чтобы все барахло в другое место перевезти.

Дядька говорит, что во время этого монолога немного завис. Пришлось напрячься, но новый склад нашел, товар перевезли.

В третий раз Мебельщик (так его кстати грузчики-сборщики прозвали) появился около недели назад, в более-менее опрятном виде, и с тростью в руке. Под вечер, когда магазин уже закрывался, клиентов не было и все нетерпеливо смотрели на часы, отсчитывая минуты.

Он вошел через парадный вход, звякнув колокольчиками у входа, и стал ходить по залу, рассматривая компьютерные столы и кровати с тумбами.

Забыв о конце рабочего дня, все сотрудники столпились в зале, делая вид, что чем-то заняты, а на самом деле наблюдая за Мебельщиком. Обстановка была настолько напряженная, что дядька даже закурил в торговом зале, хотя раньше никогда себе не позволял. Когда Мебельщик остановился возле одного из компьютерных столов, по залу пронесся общий вздох.

— Для цветов. — сказал Мебельщик. — Аквариум. Но лучше всего клетку с попугаями, это их дерево.

И пошел дальше.

Остановился возле другого компьютерного стола, выдвинул доску для клавиатуры, постучал костяшками пальцев.

— Не отдавай. — произнес он, повернувшись к дядьке. — Этот стол должен стоять здесь, он питает остальных и защищает дом. Понимаешь?

Дядька, растерявшись и едва не выронив сигарету, кивнул, хотя ничего не понимал. Впрочем, когда Мебельщик пошел дальше, дядька сделал знак одному из сборщиков и на столе

мгновенно появилась табличка «Извините, товар временно отсутствует».

Мебельщик указал на три стула и сказал, что их надо заменить такими же, но другими.

Затем подошел к кроватям. По одной провел рукой, зачем-то поклонился. Указав на вторую, сказал:

— Ее надо разобрать и снова собрать. Тогда будут дети.

Услышав это, сборщики заметно напряглись, ибо двойная работа в их планы не входила. Когда один из них поинтересовался, зачем, Мебельщик подошел к нему, очень долго смотрел в глаза, а потом ответил:

— Так надо.

Дядька сказал, что сборщик после этого взгляда себе седых волос добавил, и особенно молчаливым стал, но это к теме уже не относится.

— Поэт найдет здесь вдохновенье… — говорил Мебельщик, указывая на дубовый обеденный стол длиной в шесть с половиной метров. — Эту табуретку нельзя ставить на кухне. Лучше всего — на воздухе, тогда будут силы у уставших. А если поставить рядом с этой тумбой, научишься правильно дышать.

В общем, почти три часа Мебельщик ходил по залу и цеху для сборки, превращенному в мини-склад. Рассказывал, показывал, а потом как-то незаметно исчез. Дядька, да и остальные свидетели говорят, что вот только что он про книжную полку говорил да какие-то космические полеты, а потом раз — и исчез. Лишь колокольчики у входа звякнули, из ступора всех выводя.

День этот закончился тем, что все без исключения сотрудники магазина попросили аванс, и забрали его не деньгами, а мебелью. Кому стол, кому пару стульев, в общем, на что авансов хватило. Дядька, в общем-то, был непротив такого расклада.

На следующий день все они дружно заболели разными болезнями (так каждый из них сказал дядьке по телефону), а в течении последней недели быстренько так выздоровели и объявили, что увольняются, а авансы готовы вернуть в двукратном размере.

Так я это к чему все написал — дядьке грузчики и сборщики нужны, оплата мебелью. Любой мебелью, кроме компьютерного стола в центре зала. Если кому срочно разбогатеть нужно, то мебельный магаз напротив аэропорта в многоэтажке, спросить ВээСа. Сам-то он в Мебельщика не верит, но если кому надо, нужную мебель подскажет. Только не говорите, что от меня, а то он у меня суровый, мало ли, мож я че не так сболтнул.

Не нытье

В первом сундуке нашли мы телепорт — тядя парара.
Во втором сундуке был свиток ловкости — тядя парара.
В третьем сундуке лежал панцирь черепана — тядя парара.
В четвертом, пятом и шестом тоже тядя парара.
В седьмом сундуке жил полуадмин, он дал нам первый сундук — тибур канда!

(детская считалка для взрослых рымр)

Я вот смотрю, народу сундуки понравились, бегают, выбивают чего-то, открывают, радуются.

А мне с ними не везет. Только не подумайте, что это нытье. Просто наболело, поделиться хочу.

Позавчера сундук один вскрыл, а там системный предсказатель. Заранее может предсказывать события в системном чате. Действие на себе проверил, когда получил предупреждение, что через минуту получу молчанку. Я это когда прочитал, удивился, ну и в общий чат кинул, мол какого, как говорится, х…, если я не матерился. Ну и меня безликий модер сразу хлоп на пятнашку. И системка тут же о том, что я под молчей.

На первый взгляд, штука, конечно, полезная — про рестарты раньше админов знаешь, или победителей турниров например. Но вот только что делать с этой информацией, ума не приложу. Букмекерских контор нет, ставки не поставить. Получается, бесполезная вещь, от краски больше толку даже. Так ведь краска не выпадает! А системных предсказателей у меня два, еще один сегодня утром вытащил.

Или вот вчера например, открыл сундук, а там боевой кабан. Прожорливый, с*ка. Я его кормил весь день, а к вечеру сам

проголодался, и…

В общем, нет больше у меня боевого кабана, а есть окорок и свиная голова на продажу, никому не надо?

Вот кому-то боевой телепорт выпадает. Пять серы, а если что, может в решающем бою помочь сильно. Полезная вещь. А мне свиток выпал, я его когда заюзал, очутился в Контр-Страйке. Тоже игра, только немножко другая.

Мои заклинания оказались фигней по сравнению с автоматическим оружием. Хотя, конечно, шороху я там навел, когда пару раз по террористам веерной молнией прошелся.

Я оттуда пулемет приволок. Крутая вещь, из ешей дуршлаг на раз-два делает. Правда, патроны быстро закончились. Так что если у кого свиток телепорта в контру есть, куплю недорого, но дороже госа.

Кстати, о ешах. В одном из сундуков я нашел ешкиного кота. Он оказался говорящим, пьющим и сволочью. Украл у меня что-то, к сожалению, не помню, что, и скрылся, не оставив никаких доказательств, кроме почти пустой бутылки коньяка, найденной наутро возле монитора, и жуткого похмелья.

Сундуки… хоть бы раз черепановый панцирь выпал! Нет, блин, этот рэндом, он то ли заколдованный, то ли проплаченный, то ли сионистам и массонам принадлежит. Черепановые панцири выпадают только безымянным счастливчикам, но не мне и не моим друзьям.

Зато какая-нибудь шапка-невидимка, или сапоги-скороходы, или другой подобный хлам, сыпятся, как из рога изобилия… Вот объясните, нафига мне шапка-невидимка, если меня тогда видеть никто не будет? Или сапоги-скороходы — ну одел я их, пошли в пещеру, я значит впереди всех, вот первый люлей и огребаю. Остальные просто не успевают за мной.

Бьешься, бьешься, победы вымораживаешь, сундуки собираешь, а потом вскрывать начинаешь — и плакать хочется.

Сегодня утром из сундука вытащил голодного полуадмина. Его начальство в сундук заперло за то, что он вместо работы на варсонге тусил. Полуадмин сожрал мясо, оставшееся от кабана,

допил остатки коньяка, сыто рыгнул и пообещал, что все будет хорошо. Я запер его обратно в сундук и утопил в речке неподалеку от второго данжа. Ибо как все сыты мясом, так и я сыт обещаниями.

Говорят, в сундуках бывают свитки реальной ловкости. По-моему, это вранье. Ни разу не выпадали такие свитки. Пару раз выпали свитки реальных активов Газпрома и привилегированные акции Лукойла, ну блин, послушайте, я же в игру играю, что мне с этими акциями-шмакциями делать? Впрочем, всю эту фигню я какому-то лоху за десять реалов впарил, так что тут претензий особо нет.

Или еще одна бессмысленная вещь — сканер чужих приватов. Против друзей мне совесть не позволяет их юзать, а против врагов не могу. Все мои враги в игнор-листе, так что приходится идти на сделку с совестью, а это, поверьте, не доставляет никакого удовольствия.

Только не подумайте, что я нытик. Просто мне нравится эта игра, и я хочу, чтобы все было по справедливости и честно, без обманов. А насчет полуадмина я соврал, не там я его утопил. Когда будет наконец зелье манчкина выпадать из сундуков, тогда и расскажу, где сундук с полуадмином искать.

PS Цену на свитки «Убить всех врагов в бою» поднимите. По три серебра мне, как простому игроку, сдавать их совсем невыгодно. Сделайте хотя бы пять.

С уважением, Поликарп

Ставок больше нет

Это игра такая. В карты? Ну да, можно сказать, что в карты. Два цвета, четыре масти, тридцать шесть штук. Один к двум, один к четырем, или один к тридцати шести. Все очень просто, на самом деле. Кто-то выигрывает, кто-то проигрывает. Хочешь — играй, не хочешь — не играй. И никакого обмана, все честно и всем поровну.

— Поздравляю, ваша заявка принята. — произношу я в тысячный или в миллионный раз привычную фразу.

Мужичок-боровичок, сидящий напротив, смотрит на меня преданным щенячьим взглядом и внимательно слушает каждое мое слово. Эдакий бюргер с проплешиной, которая постоянно потеет, и в жару, и в холод.

— Напоминаю правила нашей игры. Она состоит из одной сдачи. Вы можете выбрать цвет, масть или же назвать карту. Коэффициент выигрыша вашей ставки составит: при правильно угаданном цвете один к двум, при правильно угаданной масти один к четырем, при правильно угаданной карте один к тридцати шести. Пожалуйста, назовите ваш коэффициент.

Я кладу колоду на стол и мужичок долго смотрит на нее. Затем поднимает взгляд на меня и мямлит:

— Масть…

Но тут же вздрагивает, машет руками и кричит:

— Цвет, цвет! Я выбираю цвет!

— Цвет, принято. — подтверждаю я. — Назовите ваш цвет.

— Чер… нет, кра… — мужичок трет по плеши носовым платком, затем осматривается, словно в темноте вокруг нас можно что-то увидеть. — Красный! Я выбираю красный!

Впервые здесь, новички всегда так себя ведут, чересчур нервно.

— Красный, принято. — говорю я. — Ставки сделаны, ставок больше нет. Пожалуйста, снимите карты.

У мужичка так сильно трясутся руки, что еще чуть-чуть, и здесь начнется землетрясение. Но все же ему удается снять половину колоды и положить рядом.

Я переворачиваю верхнюю карту со второй половины колоды и бросаю ее на стол.

Бубновая девятка.

— Да! Да, бля! — орет бюргер и вскакивает с места.

— Поздравляю, ваша ставка сыграла. — говорю я ему, но он меня даже не слышит.

— Где? Где? — он вертится, как юла. — Где получать?

— Возвращайтесь домой, вы получите свой выигрыш в самое ближайшее время. — произношу я еще одну стандартную формулу.

Бюргер скрывается в темноте, а я тусую колоду, и думаю, что он обязательно вернется. Два к одному, что ему захочется сыграть еще.

Жаль, мне тут не с кем заключить пари.

— Поздравляю, ваша заявка принята. Напоминаю правила…

— Я помню, я тут не первый раз. — меня перебивает мужчина в дорогом костюме.

И печатка на руке, такой хороший фентиль с бриллиантами. Босс. Уверенный в себе и во всем, что его окружает. Он садится и сразу же произносит:

— Цвет.

Честно говоря, мне нравится такой подход к делу. Я даже чуть выпрмляюсь, чтобы выглядеть более солидно.

— Цвет, принято. Назовите ваш цвет.

— Черный.

Он говорит быстро, но все-таки короткую заминку я чувствую. Интересно, волнуется или нет?

— Черный, принято. — я кладу колоду на стол, сам смотрю на его лицо. — Ставки сделаны, ставок больше нет. Пожалуйста, снимите карты.

Его лицо как каменное, но в последнюю секунду я перевожу взгляд на его руку. Пальцы дрогнули. Перед тем, как взять колоду, его пальцы дрогнули.

Волнуется! Все волнуются.

Я переворачиваю карту. Трефовый король.

— Йес! — мужчина сжимает руку в кулак, затем поднимается, небрежно бросает мне. — Еще увидимся.

— …ляю, ваша ставка сыграла. — бормочу я ему в спину, собирая со стола колоду.

Он уходит в темноту, я вижу со спины, как он ослабляет узел галстука.

Пять к одному, что он вернется. Постоянным игрокам заявки на игру оформляют чуть быстрее, чем новичкам.

— Поздравляю, ваша заявка…

Я осекаюсь, потому что девочке, которая садится напротив, от силы двенадцать лет.

— Тебе не рано играть? — произношу я.

Секундная пауза — видимо, она не сразу понимает, что происходит. А затем ее лицо искажается в детском гневе и она кричит мне возмущенно и отчаянно:

— Я победила! Моя заявка выиграла!

Вообще-то, в этой ситуации правила нарушаю я, а не она. Мне нечего ей возразить и ничего не остается сделать, как кивнуть.

— Прошу прощения. Поздравляю, ваша заявка принята. Напоминаю правила нашей игры…

Я зачитываю правила, а она смотрит куда-то в стол, и не подает никаких эмоций. Потом поднимает голову и смотрит мне в глаза. Взгляд у нее остекленевший. Интересно, понимает ли она, что происходит?

— …назовите ваш коэффициент. — говорю я.

— Масть. — шепчет она.

Оказывается, понимает.

— Масть, принято. Назовите вашу масть.

— Мне нужна масть! — восклицает девочка. — Которая на четыре умножает!

— Масть, принято. — повторяю я. — Назовите вашу масть.

— Красное сердечко!

— Червы, принято. — я кладу колоду на стол. — Ставки сделаны, ставок больше нет. Пожалуйста, снимите карты.

Она снимает колоду одним рывком и, кажется, зажмурившись.

Да, зажмурившись.

Глаза она открывает, когда я произношу:

— Поздравляю, ваша ставка сыграла.

Она долго смотрит на червовую десятку, затем не выдерживает.

— Ура! Мы выиграли! Выиграли! Сердечко выиграло!

Она соскакивает со стула, хлопает в ладоши. Я не выдерживаю и чуть-чуть (насколько позволяет этикет) улыбаюсь.

Девочка перестает прыгать, смотрит на меня.

— Скажите, она вернется? Я ведь выиграла? Она теперь вернется?

В глазах ее столько всего, что я даже не берусь описать.

— Возвращайся домой. — говорю я, чуть кивая головой, а затем немного меняю стандартную формулу и добавляю. — Все будет так, как ты хотела.

Она убегает, а я собираю карты и… перевожу дух. Несколько волнительная была сдача.

Карты кочуют из руки в руку, а над столом появляется новая тень.

— Поздравляю, ваша заявка принята. Напоминаю правила…

— Братюня, не надо, я не фраер…

Приблатненный штымп, который садится напротив, всем

своим видом показывает, что он тертый калач и на мякине его не проведешь. Маечка, кепочка, портачки по всему свободному пространству, в общем, все как надо и люди в курсе.

— Слы, братюня… — он усаживается за стол и ведет себя как хозяин. — У меня к тебе только один вопрос. Ты мне объясни, чисто по-человечески, откуда тут свет, в натуре? Ламп нету, вокруг одна пустота… свет откуда, а?

Это вопрос, который задают в основном новички, либо идиоты. У меня нет ни желания, ни полномочий отвечать на этот вопрос. Я слышал этот вопрос, в самых различных вариациях, сотни, тысячи раз. Я ненавижу этот вопрос и ровно так же ненавижу тех, кто мне его задает.

— Вы можете выбрать масть, цвет, или же назвать…

— Ладно, ладно, понял… — поняв, что я не буду отвечать, он дает мне отмашку, словно это он разрешает мне не отвечать на его вопрос. — Давай, заряжай… гадалка с картами… сегодня у меня день фартовый, братюня… чуйка у меня, реально! Выбрать что ли масть, чтобы все было всласть? Или выбрать цвет, чтоб для долгих лет? А?

— Назовите ваш коэффициент. — прошу я, чуть повысив голос.

— Не суетись, братюня, а то не успеешь. Ну че, пехота, рисковать не будем, пойдем проторенной дорожкой. Выберу я цвет, чтоб завидовал сосед.

— Цвет, принято, назовите ваш цвет.

— Братюня, обижаешь! — восклицает штымп. — Ну не красный же, я ж тебе не тварь ссученная, с западлом дел не имею. Черный, братик, черный! Как вся моя биография.

Подобная болтовня утомляет очень быстро, но вида я не подаю. В конце концов, клиент всегда прав, даже когда неправ. Так что…

— Черный, принято. Ставки сделаны, ставок больше нет. Пожалуйста, снимите карты.

— Эх, мать моя, женщина! Где фарту еще мне надо, как не здесь и не сейчас! Ну… давай! Давай черную!

Штымп снимает полколоды и, прильнув к столу, щерится золотой фиксой в ожидании. Я переворачиваю карту.

Что-то сегодня часто красное выпадает.

— Опачки… — растерянно мямлит штымп, пялясь на бубновую девятку.

— К сожалению, ваша ставка не сыграла. — произношу я и опускаю руку вниз, под стол.

— Первый раз не фартануло… — шепчет он.

Ну так кто бы сомневался.

Он еще успевает пробормотать что-то вроде «Это что, все?», прежде чем я дважды стреляю ему в грудь из Дезерт Игла. Вообще-то, мне достаточно выстрелить один раз, но я добавляю второй за его нудную болтовню и нахальное поведение. Это допускается правилами.

Потом прячу пистолет, собираю карты, и думаю, что свет над столом — не такая уж и большая загадка, особенно для тех, кто бывал здесь по нескольку раз. Я, например, понял, как освещается стол, уже после второй или третей игры.

А вот куда деваются проигравшие, это я не знаю до сих пор. Хотя я здесь уже достаточно долго.

— Поздравляю, ваша заявка принята. Напоминаю…

— Подождите! Не надо! Я знаю правила!

Красивая. И хорошо одета. Точнее, очень красивая и очень хорошо одетая. На пальцах, ушах и шее целый ювелирный магазин. Причем, насколько я в этом разбираюсь, бриллианты настоящие.

Мне кажется, что глупо приходить сюда в таком виде. Но… люди разные, а чужая душа — потемки.

— Я… я хочу только… можно закурить?

— Пожалуйста.

Я подвигаю ей пепельницу, а сам думаю, что тайну окурков я

тоже не разгадал. Сейчас вот она покурит, сыграет, а потом пепельница вновь будет чистой. Загадка, в отличие от света, для меня пока необъяснимая.

Женщина роется в сумочке, достает длинные тонкие сигареты, первую неловко ломает, прикуривает вторую от обычной китайской зажигалки.

Пауза затягивается и я собираюсь нарушить тишину, как она вдруг говорит.

— У меня просто нет другого выхода. Понимаете, просто нет другого выхода. Два года назад я полюбила одного человека…

Мне уже все ясно и скучно. Ненавижу эти скучные драматические рассказы. Отстраненным тоном, как можно более равнодушно, я произношу:

— Пожалуйста, выберите коэффициент вашей ставки.

— Подождите! — она нервно тушит сигарету в пепельнице. — Я… понимаете… я…

— Пожалуйста, выберите коэффициент вашей ставки. — на этот раз я повышаю голос и это срабатывает.

— Мне… мне надо один к четырем… Он погиб по моей вине и я…

— Масть, принято. Назовите вашу масть.

— Червы…

Я всего лишь на одно мгновение отвлекаюсь от пепельницы, а когда смотрю на нее снова, она девственно чиста. Ни пепла, ни окурка.

— Червы, принято. — подтверждаю я и кладу карты на стол. — Ставки сделаны, ставок больше нет. Пожалуйста, снимите карты.

Она смотрит на меня и я уже примерно представляю, что сейчас будет.

— Но если я проиграю…

— Пожалуйста, снимите карты. — я снова повышаю голос, но для моей клиентки это последний шанс.

Она перегибается через стол и шепчет:

— Помогите мне! Пожалуйста! Что вам нужно? Я могу заплатить, сколько угодно, назовите цену! У меня дом в Лондоне, яхта, самолет… я отдам вам все… только дайте мне выиграть… вы же можете, я уверена в этом…

И это я проходил, и тоже не единожды. Правда, обычно сначала пытаются купить, а потом пытаются умолять. Эта вот решила наоборот поступить.

Так или иначе, у меня есть еще одна формулировка, который срабатывает безотказно.

— Напоминаю, что ваша заявка может быть аннулирована из-за нарушения регламента.

Она долго смотрит на меня. Я чувствую это, но смотрю не на нее, а на колоду. Не хочу наблюдать за ее эмоциями. Мне на самом деле ведь не хочется, чтобы ее заявку аннулировали. Поэтому я просто смотрю на карты и жду.

Она рывком снимает половину колоды, затем перегибается через стол и смотрит на меня то ли с презрением, то ли с ненавистью.

— Вы же специально так сделали, да? У нас просто нет выбора! Чтобы что-то изменить, мы идем к вам, а вы пользуетесь этим…

Дура. Кто мы? Я такой же, как и ты, только сижу с другой стороны стола. И ты можешь смотреть на меня как угодно, это ничего не изменит, потому что ты дура и ничего не знаешь. Мы… кто мы? Кому ты это адресуешь?

Так я, конечно же, ей не говорю, а просто переворачиваю трефового короля.

Все-таки это была ненависть во взгляде.

— Ублюдки! Будьте вы прокляты! — бросает она мне в лицо, пока я произношу стандартную формулировку про несыгравшую ставку.

Она вскакивает и пытается убежать. Да только куда тут

убежишь…

Я прячу пистолет, тусую колоду и думаю, что все игроки одинаковы. И если бы не сейчас, то она все равно бы вернулась сюда второй, или третий раз, и в итоге рано или поздно все закончилось бы именно так, как и закончилось.

Есть игра. Есть правила. Есть ставки. И если ставки сделаны, то уже ничего нельзя изменить, надо только ждать результата.

Все, кто приходит сюда — все они знают, на что идут. Только не все понимают.

— Поздравляю, ваша заявка при…

Когда мой новый клиент садится и снимает темные очки, руки мои замирают.

— Здорово, Леха! — бросает он и знакомым жестом вешает очки на рубашку. — Узнал?

— Да. — киваю я, и откашливаюсь от неожиданности. — Узнал. Привет, Ром.

— Красава, помнишь. — Ромка широко улыбается. — Это ж сколько мы с тобой не виделись…

Вообще не изменился. Каким был, такой и остался — всегда все хорошо и жизнь прекрасна. Одновременно сияет лысиной и улыбкой.

— Зачем ты сюда пришел? — спрашиваю я.

— Ты лучше спроси, как я бился за то, чтобы ваши мою заявку приняли. — отмахивается он, продолжая улыбаться.

А мне не до смеха. И меня даже не коробит слово «ваши».

— Поверь, лучше бы не приняли. Ром, зачем ты сюда пришел?

— Я закурю?

Двигаю ему пепельницу.

Рома закуривает свои неизменные «Мальборо», смотрит на меня исподлобья, думает.

— Тебе важны мои мотивы, или ты хочешь узнать, что со

мной случилось за последние годы? — поскольку я не сразу отвечаю, он продолжает. — Лех, слушай, я сделал свой выбор. Мне это надо. Поэтому я сюда и пришел. Давай обойдемся без этих распросов.

Я должен начинать игру, но вместо этого я не удерживаюсь и говорю:

— Пять.

— Что пять? — непонимающе смотрит на меня Ромка.

— Пять лет назад, в бильярдной в Сочи. Мы виделись в последний раз, когда Грека катали. Потом я сюда пришел…

— Точно, Грека, у Вартана в «Пирамиде»! — восклицает Ромка. — Эх… как молоды мы были… Ладно… — он трет подбородок, затем говорит. — Ну че, Леха, играть будем?

Я начинаю и голос мой предательски подрагивает:

— Коэффициент выигрыша вашей ставки составит: при правильно угаданном цвете один к двум, при правильно угаданной масти…

— Лех, ты че, думаешь, что я сюда пришел, не зная кэфов? — перебивает меня Ромка. — Дружище, за эти пять лет жизнь меня потрепала основательно, но все же дураком не сделала. Я готов.

Я все еще собираюсь с мыслями, как сказать.

— Ром… извини… но я не смогу тебе помочь. Ты должен понимать это.

— Я понимаю… — кивает он и улыбается.

— Я не смогу помочь… — я чуть приподнимаю колоду.

Рома улыбается еще шире и подмигивает мне.

— Я знаю принцип этой игры, братан. — и добавляет. — Все нормально, Лех. Я знаю, где я нахожусь и во что играю.

— По старой дружбе могу лишь посоветовать выбрать цвет. —

быстро говорю я. — Не знаю, чего ты хочешь там добиться, но с цветом, поверь, гораздо больше шансов…

Рома тушит сигарету, откидывается на спинку стула. Как-то глупо он себя ведет… или это не глупость.

— Я в курсе некоторой статистики. — говорит он. — Ну? Давай, что ли? Начали?

— Выберите коэффициент. — произношу я немного официально.

Когда говорю, рефлекторно скашиваю глаза на пепельницу — она оказывается пуста. Я еще думаю, что надо бы попросить Ромку провести эксперимент с пепельницей, если он выиграет.

И в этот момент Ромка называет кэф.

— Карту. Один к тридцати шести.

Я на самом деле думаю, что ослышался.

— Что? — переспрашиваю я. — Ты что, упоротый?

— В чем проблема? — улыбается он. — Я выбрал коэффициент один к тридцати шести.

— Зачем?! — восклицаю я.

— Что, не сможешь меня пристрелить? С незнакомыми людьми играть легко, а с друзьями? Еще не разу не играл? В меня сможешь выстрелить?

Я рассматриваю бывшего напарника, а тот улыбается, как ни в чем не бывало.

Этот ублюдок сидит и смеется мне в глаза. А пока я пытаюсь сообразить, что ему сказать, он добавляет:

— Карту, Леха, карту.

Он не нарушает правила. Он не волнуется. Он ведет себя как глупый наивный идиот, но я общался с ним достаточно, и знаю, что он не идиот. Далеко не идиот.

— Ты… тебе что-то удалось узнать? — осторожно спрашиваю

и даже немного подаюсь вперед.

— Я каждое мгновение узнаю что-то новое. — отвечает он. — Лех, мы играем, или как?

— Ты ведь не будешь просто так рисковать, Рома? Ты что-то знаешь?

И он повышает голос. Он, не я — требует, чтобы игра шла по правилам. А по правилам — это значит и без лишних вопросов.

— Я выбрал карту! Коэффициент один к тридцати шести!

— Карта, принято. — цежу я сквозь сжатые зубы. — Назовите вашу карту.

— Ну… даже не знаю… — он смотрит на меня с издевкой и даже наслаждается ситуацией. — Давай наверное семерку червей, а?

Я молчу и сглатываю слюну. Кажется, слишком гулко. Рома перегибается через стол и раздельно чеканит:

— Семерка червей.

У меня только один вариант для дальнейших действий.

— Семерка червей, принято. Ставки сделаны, ставок больше нет. Пожалуйста, снимите карты.

Он слишком небрежным движением сдвигает карты. Практически не глядя на колоду.

— У тебя нет шансов. — моя ненависть к нему зашкаливает, но ему плевать.

Я переворачиваю карту.

Рома сидит, развалившись на стуле. Закуривает еще одну сигарету, наблюдает за мной, ухмыляется.

Это игра. Такие правила. Я тоже когда-то сделал ставку, и только что ее разыграли.

Я достаю Дезерт, кладу его на стол рукояткой вперед. Кажется, сейчас я узнаю ответ на тот вопрос, который мне не

давал покоя все время, пока я тут сидел. Правда, вряд ли сейчас это актуально.

— Лех, напоследок… — просит Рома и тянется к пистолету. — А откуда тут свет?

— Пошел ты… — бросаю я и показываю ему средний палец.

Он продолжает улыбаться, когда стреляет в меня.

Я лечу куда-то в темноту, и даже не знаю, вверх или вниз. Мимо меня пролетает окурок «Мальборо», хотя возможно, мне это только кажется.

Последнее, что я слышу — это бодрый Ромкин голос, радостно произносящий кому-то:

— Поздравляю, ваша заявка принята…